

**Экономические
и гуманитарные
исследования
регионов**

3 / 2010

Журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК и публикует результаты оригинальных теоретических и прикладных исследований по актуальным проблемам экономики, права, филологии, истории, философии, социологии, политологии, педагогики, психологии, культурологии

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНОВ

Регистрационный номер ПИ ФСС77- 39740
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2079-1968

Научно-образовательный и прикладной журнал
№ 3 2010 г.

Редакционная коллегия:

*Е.Е. Несмеянов, д.филол.н., профессор (главный редактор);
Е.В. Говердовская, д.пед.н., доцент (заместитель главного редактора);
О.В. Губарь, д.экон.н., профессор; Л.М. Кокоева, д.юрид.н., профессор;
Т.П. Матяш, д.филол.н., профессор; Л.А. Мокрецова, д.пед.н., профессор;
Е.В. Муругова, д.филол. н., профессор; Н.Б. Пугачева, д.пед.н., профессор;
С.Я.Суций, д.соц.н. доцент; Ю.П. Тен, д.филол.н., доцент;
М.В. Финько, д.филол.н., профессор; В.К. Цечоев, д.юрид.н, профессор;
Г.Х. Шингаров д.филол.н., профессор*

Адрес редакции: г. Ростов-на-Дону, ул. Гаккеля, 3/3, оф. 86.

Подписано в печать 30.07.10 Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Типография ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, офис 201

тел. 8-918-570-30-30

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНОВ»

2010. № 3. 108 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Гранкин Ю.Ю.*
РОЛЬ НАМЕСТНИЧЕСТВА В РАЗВИТИИ ВИНОДЕЛИЯ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД..... 3
- Илясова А.А.*
К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ В ВОЗНИКНОВЕНИИ И РОСТЕ
АРМЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ..... 11
- Склярова Е.К.*
ВИКТОРИАНСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА
ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ И ЛЕКАРСТВ..... 25

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Брачун Т.А.*
ЧУКОТСКИЙ ШАМАНИЗМ: РЕЛИГИОЗНАЯ
И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИИ..... 34
- Константинова Т.А.*
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СУЩНОСТЬ И МОДУСЫ НИГИЛИЗМА
В КУЛЬТУРЕ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА 45

ПЕДАГОГИКА

- Ахмадиева Р.Ш.*
БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК КОМПЕТЕНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА..... 58
- Туркина Т.С.*
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ:
СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА..... 66

ПРАВО

- Плехова О.А.*
ОСОБЕННОСТИ БЮРОКРАТИИ И БОРЬБЫ
С КОРРУПЦИЕЙ В ЭПОХУ РАННЕГО АБСОЛЮТИЗМА. 75

ФИЛОЛОГИЯ

- Громогласова Т.И.*
ПОВТОРЫ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕЧИ
(НА МАТЕРИАЛЕ МОЛОДЕЖНЫХ ПЕРЕДАЧ
РАЗГОВОРНОГО ЖАНРА)..... 87

ФИЛОСОФИЯ

- Болховской А.Л.*
ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ОДНА
ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО
ОБЩЕСТВА 94
- СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 105

ИСТОРИЯ

УДК 908

РОЛЬ НАМЕСТНИЧЕСТВА В РАЗВИТИИ ВИНОДЕЛИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Ю.Ю. Гранкин

THE ROLE OF VIGERENCY IN DEVELOPMENT OF WINE PRODUCTION IN THE NORTH CAUCASUS IN PRE-REFORM PERIOD

Yuri Y. Grankin

В статье рассматриваются особенности развития виноделия на Северном Кавказе в 40-начале 60-х гг. XIX в. В ней показана государственная поддержка в лице наместника развития этого важного и перспективного направления в хозяйственной деятельности местного населения.

The article covers the specifics of wine production development in the North Caucasus in 40th-early 60th years of XIX century. The Government support in the person of the Viceroy for the development of this important and perspective field of native residents' economic activities has been displayed.

Ключевые слова:

наместник, виноделие, российская администрация, виноградные сорта, откупщики, алкоголь, промысел

Keywords:

Viceroy, wine production, Russian administration, grapes brands, tax-farmers, spirits, farmer industry.

Следует признать, что добиться крупных успехов в развитии экономического потенциала Северного Кавказа в дореформенный период не удалось. Тому были многочисленные причины, среди которых, безусловно, доминировала военно-политическая нестабильность. Но это не значит, что правительство не предпринимало в этом направлении никаких шагов. Наместники, используя свой административный потенциал,

всячески поощряли частную инициативу в данном вопросе, привлекали государственные средства.

Северный Кавказ всегда оставался одним из центров российского виноделия. В своем «Отношении» от 16 февраля 1848 г. к графу Чернышеву князь М.С. Воронцов, сообщал что за период с 1 января 1841 по 1 января 1846 года по акцизному сбору за произведенное вино Дербент дал казне 10806 рублей 92 копейки, а расходы составили всего 1490 рублей 39 копеек [1, с.15]. Таким образом, выгода была очевидной. Сохранились данные, что в одном лишь Дербенте в 1849 г. только армянское население выдывало 45 тыс. ведер вина и 4 тыс. ведер водки.

Но даже эти внушительные показатели не могут сравниться с успехами кизлярских виноделов, которые в 1846 г. изготовили 1150 328 ведер вина и стали гнать виноградную водку, пользующуюся большим спросом на внутреннем рынке. В это время в Кизляре имелось 11 530 250 виноградных кустов, и для улучшения их качества в Крыму были закуплены 5000 элитных виноградных лоз [2, с.105]. В 40-х годах на Нижегородскую ярмарку фирмы Измирова и Мамаджанова поставляли более 200 тыс. ведер знаменитой «Кизлярки» [3, с.4]. Только в черте Кизляра действовало 12 заводов, выкуривавших до 20000 ведер вина на сумму в 40000 руб. Был заключен контракт на постоянной основе с реализаторами в Тамбове, куда производителем Ходжаевым направлялась кизлярская водка.

М.С. Воронцов выступил с ходатайством за местных виноделов перед императором. Чтобы закрыть кавказский рынок от конкурентов, он просил: «Для поощрения местной винодельной промышленности увеличить акциз с хлебного вина и разных сладких водок, портера и рома, привозимых... из внутренних губерний России, в следующей мере с ведра хлебного вина и спирта, вместо взимаемых ныне 60-ти к., по 1 р. с ведра; с сладких водок разных наименований, рома, из сахарных остатков винограда и хлеба выделанных, и портера – по 1 р.20-ти к. с ведра, но вместо штофов и бутылок, в которых они привозятся будут. <...> Предоставить наместнику Кавказскому войти в соображение и установить правила для взимания с водок и ликеров, привозимых из России. Что касается Кизлярских виноградных водок и спирта, то взыскивать по 1 р. 20-ти к. с ведра, вместо существующих ныне 1 р. 37 1/7 к.с., как для округления счета, так и для некоторого поощрения выделки водки в Кизляре» [4, с.20]. Конкурентом Кизляру выступили виноделы

Ставрополья, где в селении Прасковья изготавливали вино высочайшего качества [5, с.75].

Вот такая ситуация сложилась в отрасли в середине столетия, согласно материалам военно-статистического обозрения: «Виноделием занимаются в Пятигорском и Кизляро-Моздокском уездах, в Ставропольском же уезде виноградные сады находятся в ст. Усть-Лабинской на Кубани, Рождественской и в гор. Ставрополе, с окрестностями, где виноград разводится, собственно, для продажи как столовый, а не для вина. Селения государственных крестьян и помещичьих, по Куме, в особенности сел. Маслов-Кут (Колонтаревых), Бургон-Маджары, Владимировка, Прасковья (Государств. имуществ) отличаются обилием винограда, но крестьяне хороших сортов не разводят. По Тереку от ст. Екатериноградской до Моздока, хотя повсюду встречаются виноградные сады, но виноград нехорошего качества, и только, начиная с Моздока, его разводят с большим старанием, и он растет превосходно, особенно в Кизляре; кизлярские армяне считаются лучшими садоводами. Здешние же казаки и крестьяне вообще очень небрежно занимаются отделкою вина» [6, с.178-179]. Лучшие сорта вина производили помещики Колонтаровы, Скаржинский, Хастатов и Ребров. О вине последнего с восторгом сообщала французская путешественница Адель Оммер де Гель: «Я также не должна забыть его восхитительное вино «Глаз куропатки», которое нам подавали каждый день на десерт к великому удовольствию фабриканта. Ничто так не льстило его самолюбию, как слышать наши сравнения его вин с лучшими марками вина Франции, которое мы делали с первого до последнего дня нашего пребывания у него. Позже наш энтузиазм несколько остыл, но, всё равно, наш хозяин не оставлял малейшей возможности нас убедить в том, что его вино может составить конкуренцию всему лучшему, что производит Шампань» [7, с.254].

Только три завода по изготовлению виноградной водки, принадлежавшие Реброву, Колонтаровым и Скаржинскому, выпускали продукции на сумму 2100 рублей серебром. Качественный продукт имел высокую цену, и за ведро платили не меньше 3 руб. Еще 20000 руб. давала реализация вина.

Потомственные производители вина, терские казаки, в 40-е годы начали забрасывать свои виноградники и сократили выпуск винной продукции. Объяснялось это низкими ценами на конечный продукт,

не покрывавшими понесенных станичниками расходов, а самое главное, обострением политической ситуации в регионе. Казаки постоянно привлекались для несения военной службы и не могли рентабельно заниматься хозяйством. Конечно, выпуск спиртоводочной продукции полностью не прекратился, но ее качество резко ухудшилось. По мнению О.Б. Емельянова, «в погоне за скоротечной прибылью кизлярцы, а за ними и казаки близлежащих станиц значительно перепрофилировали виноградарство на производство спиртоводочных напитков. Пока полностью отсутствовала конкуренция, на внутреннем рынке их продукция пользовалась успехом. Но стремительное развитие новых районов виноградарства, в первую очередь, в Таврической (Крым), Херсонской и других южных губерниях значительно уменьшили спрос на продукцию терских виноградников. И в условиях крайне неблагоприятной обстановки в регионе жители Восточного Предкавказья не могли быстро заменить одни сорта винограда на другие. На это требовалось значительное время и крупные капиталовложения, которые отсутствовали у местного населения» [8, с.18].

Ситуация с вино-водочным производством осложнялась тем, что оно было фактически отдано в руки откупщиков. Цены упали на недопустимо низкий уровень. Если в 20-е годы ведро водки оценивалось в 16-20 рублей, в 30-е годы за него давали 4-8 рубля, то в 40-50-е цена не поднималась выше полутора рублей [9, с.105].

В конечном итоге сократилось и производство вина на кизлярщине. Вместо обычных 200000 ведер, вывозимых на нижегородскую ярмарку, отправлялось не более 2000 ведер. Известные виноторговые фирмы Измирова и Мамаджанова снизили свою активность, столкнувшись с конкуренцией улучшенной хлебной водки и спирта. Начавшийся «кризис, вынуждавший мелких собственников продавать свои сады, явился не только следствием неудачных законодательных мероприятий, но и расширением виноделия в Крыму и Закавказье, постепенно вытеснял с рынка сбыта низкокачественное кизлярское вино, понижал урожайность виноградников из-за распространения различных болезней, от которых особенно страдал черный виноград» [10, с.106].

Удар по местному виноделию нанесла и природа. В результате непрекращающихся наводнений число виноградных садов сократилось. Только в 1848 г. их погибло 25, а затем еще более трех десятков [11, с.9].

Предпринимались немалые усилия по укреплению берегов Терека с целью не допущения прорывов воды. Был создан специальный «Особый комитет», обладавший специальным фондом, пополняемым на отчисления с вывозимой винной продукции. Но его усилия не увенчались успехом. Большая часть средств (около полумиллиона рублей) была потрачена не по назначению, а то и просто разворована. Наместник взял этот вопрос под личный контроль и рассчитывал, что в дальнейшем удастся справиться с наводнениями. Но, увы, усилия людей оказались тщетными, и в 1855 г. погибло до 500 садов, а вся западная часть Кизляра была затоплена [12, с.105-106].

Процесс изготовления местного вина не отличался технологически сложностями. Собранный урожай клали в полотняные мешки и там давили ногами в специальных корытах-тарпонах. Полученный сок переливали в деревянные бочки и оставляли бродить в течение 15-20 дней. Кстати, нехватка тары также стала одной из причин снижения количества производимого вина. Дело в том, что «после 1840 г. ситуация с изготовлением бочек на месте существенно ухудшилась, так как основными поставщиками сырья для бондарей являлись сунженские чеченцы. Но из-за продолжающейся войны они прекратили свою «главную промышленность», тем самым еще более подняв цены на лесоматериалы на всем Терском левобережье» [13, с.18]. Недостаток специальных погребов для хранения вина не позволял кизлярцам обеспечить должное содержание полученной продукции. Нарекание вызывало отсутствие должной опрятности и чистоты. Посуда для вина готовилась на скорую руку, достойные винокурни были редкостью. Недаром один из современников писал, что «при разнообразии и достатке виноградников, они могут дать, как весьма хорошие вина, но бедность преимущественно мелких садовладельцев, отсутствие предприимчивости и недостаточность познаний в виноделии причина тому, что виноделие не ведется правильно и вина без должной выдержки не приобретают таких качеств, которые обеспечивали бы широкий сбыт в России» [14, с.106].

Но были и исключения. При должной обработке винного материала готовая продукция пользовалась спросом и оценивалась выше, чем у конкурентов. Например, дербентские вина в Астрахани шли по одному рублю за ведро, а кизлярские на 30 копеек дороже. На основе кизлярских вин московские фабриканты делали удачные подделки известных

французских марок – портвейна, хереса, мадеры. В этом случае их цена возрастала до 2 рублей за бутылку. О местных винах писали, что они «красные, отличаются густотой окраски и, будучи как белые, преимущественно сладковаты, представляли своеобразный тип, вырабатываемый в угоду требованиям внутреннего российского рынка, усиленно пользовались ими как сырым материалом для производства различных искусственных вин заграничных марок» [15, с.272-273].

Среди главных причин, затруднявших развитие отрасли, почти все исследователи отмечали затруднительность сбыта. Спрос на элитные сорта вина на Кавказе был невелик, а вывезти продукцию на дальнее расстояния было делом затратным. Транспортировка одной бочки от Кизляра до Ставрополя обходилась в 7-10 руб. В итоге на Дон, в Ставрополь и Черноморию привозили приблизительно 500 бочек стоимостью 50000 рублей. Чтобы остаться с выгодой, производитель должен был реализовывать свой товар по цене не менее 2 руб. 50 коп. за ведро, но дешевый чихирь не стоил больше 40 коп. за ведро, а потому вывозить его за пределы Северо-Восточного Кавказа было неоправданно.

Выход из ситуации в дореформенный период нашли в увеличении количества продаваемого вина многочисленным войскам, расквартированным в регионе. В этом случае можно было не тратиться на транспортировку, да и вино не успевало испортиться. Но это были полумеры, и в дальнейшем требовалось предпринять значительные усилия по исправлению положения.

В отличие от сухопутных дорог морская и речная транспортировка была более рентабельной, а потому кизлярский алкоголь через Шандруковскую пристань попадал в Астрахань, а уже оттуда по Волге на Макарьевскую ярмарку. Доставить бочку вина в этом случае можно было за 2-3 рубля. Общая оценка вывоза вина во внутренние губернии России в начале 50-х годов оценивалась в 511920 руб. серебром [16, с.180].

Вызывает интерес тот факт, что по распоряжению наместника в 1853 г. в Екатеринодар прибыли жители Сигнахского уезда Тифлисской губернии Датий Гурашвили, Малхаз Мазанишвили, Малхаз Зурабашвили, Надар Гиголашвили, Амиран Чоташвили. Первые двое были известными мастерами в гончарном деле, а остальные являлись их подмастерьями. М.С. Воронцов дал им поручение обучить местных мастеров изготовлению крупных кувшинов, вмещавших в себя до 60 ведер вина. Кахе-

тинские виноделия славились далеко за пределами Кавказа, а потому их умение создавать конической формы емкости для вина «квеври» захотели распространить и на Кубани. Мастера обязались научить «устроить морон (винное хранилище), то есть закопать кувшины на удобном месте в землю, сделать внутреннюю обмазку, наполнить виноградным соком и указать при этом все необходимые способы, которые соблюдаются в Кахетии при изготовлении вина» [17, ГАКК].

Наместник ратовал за распространение на Кубани виноградной культуры, но понимал, что без необходимого количества посуды, предназначенной для изготовления и хранения вина, его замысел будет неосуществим. Он уже сталкивался с аналогичной проблемой в Терском казачьем войске, когда в станицу Червленую приезжали тифлиские гончары [18, с.179].

Не теряя времени, Д. Гурашвили и М. Мазанишвили обследовали окрестности Екатеринодара и обнаружили глину, подходящую для изготовления кувшинов. Началось возведение войскового гончарного «завода», состоявшего из трех турлучных сараев, двухкамерного горна с защитным устройством над ним и необходимых в производстве инструментов. В помощь и с целью обучения к грузинским мастерам были направлены двадцать черноморских казаков. В течение летнего времени мастера и их ученики изготовили 135 кувшинов различного объема. В одном из сараев были закопаны в землю 65 кувшинов. К сожалению, значительная часть изделий оказалась непригодной для использования. То ли технологические ошибки, то ли отсутствие необходимого качества сырья привели к тому, что посуда лопалась, не выдерживая обжига, и не могла быть использована в виноделии. В ноябре 1853 г. мастера вернулись обратно, т.к. срок их контракта истек. Отмечается, что «трудно судить ввиду неполноты сведений, насколько была устойчивой традиция изготовления больших глиняных резервуаров кавказского образца, но несомненно, что с развитием бондарного производства они были заменены деревянными бочками. <...> Таким образом, кавказский «эксперимент» на войсковой «земле» оказался лишь кратким эпизодом в истории гончарства Кубани, не оставившим в нем заметного следа» [19, с.239].

В данном случае важно само стремление кавказской администрации найти выход из того затруднительного положения, которое не позволяло успешно заниматься выгодным промыслом.

Приведенные факты в очередной раз свидетельствуют, что власть стремилась к экономическому освоению региона. Поощряя конкурентоспособные отрасли, российская администрация закладывала фундамент будущего благополучия края, который имел большой потенциал и должен был стать в перспективе житницей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. «Акты собранные Кавказскою археографическою комиссиею». Тифлис, 1885. Т.X. С.18. (В дальнейшем АКАК).
2. Гарунова Н.Н. «Очерки истории виноделия и коньячного производства на Кизлярщине в XVII-XXI вв.». Махачкала, 2009. С.105.
3. «Коньяки Кизляра». Б.м., б.г. С.4.
4. АКАК. Т.X. С.20.
5. «История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)» под ред. А.Л. Нарочницкого – М., 1988. С.75.
6. «Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани». М., 2008. С.178-179.
7. Соснина Е.Л. «Два путешествия в серебряный век. Пятигорск, 2003». С.254.
8. Емельянов О.Б. «Земледелие в казачьих станицах Восточного Предкавказья в первой половине XIX века. Георгиевск-Новопавловск», 2007. С.18.
9. Гарунова Н.Н. Указ. соч. С.105.
10. Там же. С.106.
11. Шабалина А.С. «Очерки развития коньячного производства в Кизляре» «Виноград и вино России». М., 1995. С.9.
12. Гарунова Н.Н. Указ. соч. С.105-106.
13. Емельянов О.Б. Указ. соч. С.18.
14. Цит. по: Гарунова Н.Н. Указ. соч. С.106.
15. Севрюков А.А. «Виноградарство и виноделие в низовьях Терека». «Терский сборник». Вып.5. Владикавказ, 1903. С.272-273.
16. «Исторический обзор...» С.180.
17. «Государственный архив Краснодарского края». Ф.254. Оп.1. Д.879. Л.1-3. (В дальнейшем ГАКК).
18. Цит. по: Гангур Н.А. «Материальная культура Кубанского казачества». В 2-х т. Краснодар: Традиция, 2009. Т.II. С.179.
19. ГАКК. Ф.254. Оп.1. Д.879. Л.239.
20. Гангур Н.А. Указ. соч. С.181.

УДК 908

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ВОЗНИКНОВЕНИИ И РОСТЕ АРМЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

А.А. Ильясова

ON THE ROLE OF RUSSIA STATE POLICY IN THE UPRISE AND GROWTH OF ARMENIAN SETTLEMENTS IN THE NORTH CAUCASUS

Ilyasova A.A.

В статье рассматривается деятельность российской администрации в развитии колонизационных процессов Северного Кавказа армянскими переселенцами.

The article is concerned with the Russian administration activities in the development of Armenian transmigrators' colonization processes of to the North Caucasus.

Ключевые слова:

русско-армянские связи, колонизация, торговля, экономика, предпринимательство, переселение, государственная политика.

Keywords:

Russian-Armenian relations, colonization, trade, economy, entrepreneurship, transmigration, state policy.

Наиболее ранние сведения об армянах на территории Древней Руси относятся к X веку. В основном речь шла о купцах, ремесленниках, лекарях. Приезжая сюда по торговым делам, армяне поселялись небольшими группами во многих городах. Отношения между русскими и армянами носили дружественный характер, чему способствовали близость христианской веры и взаимовыгодное сотрудничество, причем с каждым столетием отношения крепили все больше и больше.

Можно сказать, что XVII век – это время становления и налаживания обширных русско-армянских торговых связей. При царе Алексее Михайловиче идейно-нравственная и материальная связь двух народов стала скрепляться царскими указами. Была подписана серия договоров, по которым армянским купцам разрешалось вести транзитную торгов-

лю через Россию в Европу. Так, например, 31 мая 1649 г. «Армянской кампании» была жалована грамота на ввоз в Россию шелка: «От всей «Кампании учинили договор; привозить шелк сырец в Великую Россию на русскую и немецкую руку для продажи» [1, с.10-13]. В 1667 г. аналогичная грамота также была жалована царем Алексеем Михайловичем и в 1672 г. подтверждена.

Этими торговыми договорами для армян были созданы льготные условия на ввозимые товары. Гарантия жизни и имущества, привилегии, данные армянам в торговле и промышленности, значительно усилили их приток в Россию. Итак, армянские купцы в XVII в. положили начало широкому сотрудничеству между армянским народом и Российским государством.

Если до середины XVII столетия исход армян в Россию был следствием событий в самой Армении (опустошительные внешние нашествия, внутренние войны), то, начиная с середины XVII в., на переселение армян влияют уже экономические факторы и заинтересованность не только армянской, но и российской сторон, что было обусловлено потребностями торговли и промышленности. Все это способствовало переходу отношений между представителями армянского народа и российским правительством на качественно новый уровень.

Российская империя в XVIII в. представляла собой многонациональное государство, которое территориально постоянно расширялось. Для закрепления и освоения новых территорий требовались специальные политические и экономические меры. В качестве решения данной проблемы была избрана переселенческая политика, основным инструментом которой избралось планомерное и целенаправленное заселение пустующих земель и создание благоприятных условий для проживания переселенцев. Это было весьма выгодно иностранцам, поскольку они могли селиться в России, имея свободу вероисповедания и получая одинаковые права с русскими.

Таким образом, появление армян на Северном Кавказе связано, прежде всего, с государственной политикой российского правительства. Упорная борьба за обладание Северным Кавказом требовала не только военного преимущества, но и закрепления в этом регионе населения в основном близкого по религии и приверженности к России. Армянское население являлось идеальным для этой цели. Петр I, еще до Персид-

ского похода 1722-1723 гг., хорошо знал о русской ориентации армян. Осознавая важность роли армянского купечества в восточной торговле, Петр I, создавая Сенат в 1711 г., указывал, что этот новый государственный орган должен «... армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большого их приезда» [2, с. 353]. В итоге «армяне получили при проезде через Россию некоторые облегчения в пошлинах. С драгоценных камней и жемчугу перестали с них брать пошлину с 1711 г.» [3, с. 396]. Для сопровождения торговых караванов армянских купцов выделялись специальные проводники, которые получали определенную плату, а местные феодалы несли ответственность за сохранность товаров и безопасность людей.

История армянских поселений в российских пределах Северного Кавказа начинается собственно со времен Каспийского похода, предпринятого Петром I в 1722 г., и приведшего к занятию в сентябре 1722 г., в результате которого были взяты в сентябре Дербент, в декабре – Решт, в июле 1723 г. – Баку. Во всех этих мероприятиях российский император опирался на армянское и грузинское ополчения, состоявшие из нескольких рот и эскадронов нерегулярных войск. Результатом похода стало подписание 12 сентября 1723 г. в Петербурге договора, согласно которому в состав России включалось западное побережье Каспия. В решении некоторых задач Россия могла опереться на помощь армян, разделенных между Турцией и Персией. Прошение о принятии армян «под свою руку со всеми вольностями» было рассмотрено Петром I и обещано предпринять меры по освобождению от персидского владычества. Каспийский поход 1722 г. закончился неудачей. 12 июня 1724 г. Россия заключила с турками мирный договор. Следующим шагом Турции было наступление на Персию через Армению. Вновь армяне стали взывать о помощи и разрешении переселиться в отошедшие к России земли каспийского побережья. Петр I из-за договора с Турцией не мог оказать военную помощь армянам, но зато последовали ряд указов, поощряющих деятельность армян внутри страны. 10 ноября 1723 г. Петр I подписал указ, по которому армянам, жившим на Северном Кавказе и в прикаспийских областях, предоставлялся ряд привилегий. Им отводились места для поселений в прикаспийских территориях и предусматривалась значительная помощь. В эти годы образовался ряд новых поселений в Моздоке (1724) и Кизляре (1735). Так кизлярские армяне, составлявшие большинство населения

своего города, фактически контролировали всю торговлю региона. На протяжении многих веков сохранялась армянская община в Дербенте. В первой трети XVIII века местная община значительно пополнилась за счет карабахских армян, как раз находившихся на русской службе в период Персидского похода. Тогда армяне проживали не только в Дербенте, но и в девяти селениях соседней Мушкурской провинции, населенной в основном дагестанскими народами. Во время Каспийского похода Петр I заложил в Дагестане крепость Святого Креста. Особым приказом местным российским властям на Кавказе было дано распоряжение «...когда из того армянского народа какие в крепость Святого Креста прибудут, то немедленно отведи им при оной крепости по рекам Сулаку, Аграхани и Тереку, где они пожелают, удобныя, потребныя и довольныя места, где они поселиться могли, и в протчем учинить им всякое вспоможение. И содержать оных в крепком охранении и поступать с ними таким порядком, дабы отнюдь от них никаких жалоб произойти не могло...» [4, с. 4]. В первой половине XVIII века армян, живших в пределах Российской империи, насчитывалось от 5 до 10 тыс. человек, однако точной переписи армянского населения не велось.

Таким образом, постепенно отношения между представителями армянского и российского народов расширились и укреплялись. Многие армяне за их вклад в развитие торговли России получили дворянские титулы. Это известные и сегодня имена меценатов Лазаревых, Атрапетовых, Абамелек, Аргутинских, Деляновых, Лорис-Меликовых и других.

В 1723 г. к армянскому народу была обращена высочайшая грамота «О возобновлении торговли с Россией и о дозволении селиться армянам в России» [5]. Грамоты от 3 июня, 20 сентября, 14 мая 1723 гг. поощряли деятельность армянского купечества и призывали, чтобы они к «размножению коммерции с российскими купцами имели старание».

Присоединение Прикаспия к России дало толчок к дальнейшей активизации торгово-экономических отношений между россиянами и местными жителями. Значительная роль здесь принадлежала армянскому купечеству, коммерческая деятельность которого сыграла огромную роль в развитии экономики края. Российское правительство стремилось с помощью армянских колоний развить торгово-экономическую жизнь в этих районах. Правительство Петра I поставило цель заселить край деятельным христианским населением. Этим показателям лучше всего

соответствовали армяне. Разумеется, на Северный Кавказ направлялось и русское население, но в основном это было казачество, состоявшее на военной службе, а в хозяйственных делах успевало заниматься только собственным обустройством и пропитанием (в основном хлебопашеством), это не могло составить базы для экономического роста. Что касается местных горских народов, то, как отмечал еще в середине XVIII в. один чиновник, эти народы «в больших торгах и деньгах знания не имеют». Армян же считали хорошими предпринимателями. Они были освобождены от воинской повинности, имели также другие привилегии и, к тому же, быстро приспособившись к местным природным условиям. Зная местные языки и обычаи, они проникали по горным дорогам в самые отдаленные аулы и доставляли туда ткани, посуду, металлические инструменты и различную хозяйственную утварь. У горцев армяне закупали скот, шерсть, кожи и продавали это в России или же отправляли на экспорт, способствуя вовлечению горского населения в российский рынок.

Армяне разводили сады и огороды, образовывали села, являлись инициаторами разведения в регионе целого ряда новых культур, незнакомых местному населению, и таким образом, оказались основоположниками ряда отраслей сельскохозяйственного производства. Главными из них были: виноградарство, виноделие, хлопководство, рисосеяние, шелководство.

Известный предприниматель Сафар Васильев в 1710 г. получил от императора Петра I право построить на берегу Терека шелковый завод, который стал первенцем российских шелковых заводов. Позже, в 1718 г. Петр I пожаловал ему землю «под заведение шелководства, посева сорочинского пшена и хлопчатой бумаги». В 1721 г. в 60 верстах от Кизляра был основан его «шелковый завод»[6]. Армяне впервые в России внедрили хлопководство, что тоже служило сырьем для хлопчатобумажных предприятий, но разведение хлопка не приняло таких масштабов, как шелководство или виноделие. Климатические условия были благоприятны для выращивания винных сортов винограда, производства вина и виноградной водки. Этим объясняется большое количество винокуренных предприятий, что находило большой спрос на местных рынках. Армянам принадлежало свыше 90% этих предприятий.

Таким образом подтверждаются слова С. Броневского о том, что

с XVIII века на Северном Кавказе «главный торг находится в руках... армян, которые, приобькши к Азиатскому самовластию, терпеньем своим преодолевают все препятствия» [7, с. 454]. Армянское купечество являлось одновременно и поставщиком восточных товаров, и крупным потребителем продукции русского ремесла, стимулируя тем самым его развитие и укрепление связи со всероссийским рынком. В то же время оно служило посредником в торговле народов Северного Кавказа между собой и с Россией.

Армянские поселенцы Северного Кавказа своей хозяйственной деятельностью содействовали интенсивному экономическому и социальному развитию этого региона. Это привело к созданию на Северном Кавказе новых инфраструктур, укреплению экономических и стратегических позиций России на Кавказе и к полному преобразованию края.

Постепенно петровская практика дарования армянам льгот во внутреннем самоуправлении и экономической сфере все более укрепляется. В августе 1746г. Сенат постановил «армян, греков..., которые давно в Астрахани живут, на подданство присягнули и имеют дворы, заводы, торговые промыслы от податей, служб освободить».

Екатерина II, став императрицей, не замедлила приступить к активизации колонизационной политики. Она издала ряд манифестов, разрешающих заселять плодородные, богатые, но пустующие земли. Манифест от 4 декабря 1762 г. и Манифест от 22 июля 1763 г. объявляли о том, что в России можно заселять свободно пустующие земли. Еще два законодательных акта, обнародованные 22 июля 1763 г., имели важнейшее значение для колонизации: указ об учреждении в Петербурге Канцелярии опекунов иностранных колонистов и манифест о даруемых им правах и льготах [8]. Переселенцы, в том числе армяне, «хлынули» в Россию.

С наступлением эры Екатерининских времён была установлена возможность более активного переселения армян в Россию. Из указа Екатерины-II: «Мы даем дозволение выходцам из-за Кавказских гор селиться и признаем за полезное основать города для армян». С тех пор существуют города и районы компактного проживания армян в Краснодарском и Ставропольском краях, в Астраханской, Волгоградской, Ростовской и других областях России. Это Нахичевань-на-Дону (1779 г.) и прилегающие к городу пять селений, Григориополь (1792 г.) ныне Приднестровье),

Святой Крест (1799) ныне Буденновск Ставропольского края), а немного позже был заложен Армавир (1837 г.), ныне Краснодарский край). Все эти поселения основывались с ведома и по приказу российских правителей. В городах жили не только армяне, а также представители других национальностей, но при их закладке армяне были подавляющим большинством. Помимо всего прочего существовали обширные армянские общины в различных городах центральной России.

24 апреля 1777 г. Екатерина II подписала Указ о создании Азово-Моздокской оборонительной линии с цепью крепостей, вокруг которых затем выросли новые города: Георгиевск, Ставрополь, Екатеринодар, Владикавказ, Грозный и города Кавминвод. Российская администрация, заинтересованная в их развитии, поощряла заселение этих городов армянскими ремесленниками и купцами. В экономической жизни они занимали ведущие позиции.

Сразу же после основания Георгиевской крепости в 1777 г. здесь появилась армянская община, компактно проживавшая в отдельном городском районе [9].

Первые армяне появились в Ставропольской крепости сразу же после ее основания (1777). Как пишет В.Б. Бархударян, «... заметив плодотворную деятельность армянских купцов Георгиевска, правительство в 1808 г. приглашает из Новой Нахичевани в Ставрополь 50 армянских семей. Новообосновавшиеся нахичеванцы открывают там свой торговый ряд и начинают торговлю разнообразными товарами...» [10, с. 2].

Заметным источником колонизации стал Крым. Причиной, вызвавшей массовое переселение, стали политика вассального хана Шагина-Пирея, а также действия российских военных и гражданских властей, заинтересованных в таком исходе дела. Крымскими христианами предполагалось заселить безлюдную степь Новороссии. Тысячи христиан, среди которых были и армяне, выразили желание переселиться в Россию. Перспектива заселения пустынного пространства Новороссии, развития торговли, налаживания земледелия и одновременное ослабление Крыма эмиграцией христиан казалась заманчивой.

Начало переселения народов Крыма было положено указами императрицы, принятыми в 1778 г. [11, с. 49]. В первом рескрипте от 9 марта 1778 г. Екатерина II предписывала князю А. Прозоровскому «усугубить все возможные для него способы уговаривать их, чтобы добровольно

согласились перенести домоводство свое в Новороссийскую и Азовскую губернию». Вторым указом от 9 марта 1778 г. на имя князя Потемкина императрица велела снабдить переселенцев «достаточным количеством земли», пособиями из казны и даже обещала привилегии. Согласиться на переселение готово было очень большое количество христиан, но на определенных условиях, а именно христиане со своим имуществом поселятся на землях Азовской губернии между реками Днепром и Самарой; колонисты построят торговый город на побережье большой реки, которая должна принадлежать исключительно грекам и армянам; они будут навечно освобождены от крепостной зависимости и рекрутских повинностей, а также от уплаты подати на 10 лет [12, с. 296, 317-319]. В удовлетворение этих условий грекам и армянам были предоставлены жалованные грамоты от 21 мая и от 14 ноября 1779 г.

Переселение христиан из Крыма началось в конце июля 1778 г. Всего в Азовскую губернию переехало 31386 человек, в том числе 12606 армян [13, с. 138].

Грамотой от 16 ноября 1779 г. армянам, вышедшим из Крыма, жалован для поселения «округ Св. Дмитрия Ростовского при урочище Полуденки с названием Нахичевана» [14, с. 151]. Армяне получили от казны 12 тысяч десятин земли.

Кроме того, власти помогли переселенцам финансами, выделяя им деньги на обустройство. В 1779-1780 гг. по приказу Г.А. Потемкина из Канцелярии попечительства иностранцев в Екатеринославле на нужды крымских христиан было отпущено 669511 руб. 33 коп. К августу 1781 г. сумма возросла и составляла 965009 руб. 14 коп., из которых 3985 руб. было израсходовано на нужды армян. В мае 1780 г. князь Потемкин получил на благоустройство края несколько миллионов рублей, что положительно сказалось на судьбе колонистов [15, с. 30].

Крупной колонией, основанной армянами, стал Григориополь, расположенный на левом берегу Днестра. Армянам, поселившимся здесь, по указу от 12 октября 1794 г. отвели «в вечное владение» 33400 тысяч десятин земли. Им были пожалованы такие же права, что и другим армянским колонистам.

Наряду с упомянутыми, существовали и другие армянские колонии. Например, после осады крепости Измаил 91 семья переселилась в Новые Дубосары.

Для укрепления власти на новопокоренных обширных и безлюдных землях еще 14 июля 1788 г. был издан манифест Екатерины II о переселении на новую Кавказскую линию закончивших службу солдат, государственных чиновников, иностранцев и горского населения, которым государство обещало денежные пособия и некоторые льготы. В манифесте содержалась особая статья для горских армян, поселившихся на русской территории, и для тех, кто еще проживал в горах, но мог беспрепятственно поселяться в городах и селах Кавказской области, занимаясь торговлей и промыслом.

В период, когда в 1782 г. на Кавказ прибыл генерал-поручик граф П.С. Потемкин, назначенный командующим Кавказского корпуса, на передний план были выдвинуты задачи оживления меновой торговли с горскими племенами и привлечения их на русскую сторону. Потемкин привлекает в новозаселенный край армян, которых он считал посредниками в торговле, уже начинавшей зарождаться кое-где в пограничных местах между русскими и горцами. В 1784 г. армяне, находящиеся в районе Кабарды, области Кумыков и Закубанья, просили разрешить им пребывание в Кавказской губернии. Учитывая это прошение, Потемкин предписал назвать место для их поселения по имени Св. Григория Армянского.

Точных сведений о том, сколько всего переселилось армян в Россию в период царствования Екатерины II, нет. Единственным статистическим источником служат данные Канцелярии опекунов иностранных колонистов – общее число армян-колонистов к концу 1795 г. достигало 14906 душ.

Уже к концу царствования Екатерины II правительство «выбирало» колонистов. России были выгодны крымские христиане (армяне и греки). Особое отношение к колонистам выражалось в предоставлении им льгот и привилегий.

Одним из главных моментов российского законодательства, привлекавших внимание иностранцев, – гарантированное наделение землей. Колонисты имели право селиться там, где кто пожелает: в пограничных городах, на территориях, подчиненных губернаторам и городским начальникам. Они могли свободно провезти товар в Россию на сумму до 300 рублей на семью с условием, если проживут в России 10 лет. Им выдавались кормовые деньги и подводы. На постройку домов, покупку скота из казны выделялась беспроцентная ссуда.

На территории Российской империи переселенцы могли записаться в купечество или цехи, поселиться колонией и заниматься предпринимательством, сельским хозяйством, отраслями промышленности. Колонисты получали право свободной торговли. На свое усмотрение они выбирали места для торговли. Им предоставлялось право беспошлинной реализации продукции за рубежом, «дозволялось внутри колоний устраивать ярмарки с правом беспошлинных сборов» [16, с. 126]. С открытием портов на Черном море колонисты кавказской губернии по указу от 14 июля 1787 г. получили право свободной торговли в этих портах.

Колонизационная политика Павла I характеризовалась определенной преемственностью и последовательностью. Однако следует отметить и различие. Если Екатерина II заботилась о благе России и через колонистов желала достичь благосостояния «верноподданных», т.е. всех россиян, то Павел I стремился облегчить положение самих колонистов.

После походов русского войска на Дербент в 1796 г., находившегося в то время под контролем Персии, местные армяне, оказывавшие помощь русским, подверглись гонениям со стороны мусульманских фанатиков. Вследствие этого встал вопрос о переселении дербентских и мушкурских армян в российские пределы Северного Кавказа. Правительственные круги России, понимая значение новых поселенцев в хозяйственном освоении края, приняли положительное решение. Прибывшие весной 1797 г. дербентские армяне, в первую очередь, поселились в Кизляре, Моздоке, Шелкозаводской, Порабочево и др. Часть дербентских армян обосновалась на отведенных для них землях между дачами Терского семейного войска и владениями коллежского советника Тарумова. Здесь они основали селения Дербентское на р. Прорве, Малохолинское и Караджалинское (Карабаглы) на р. Беккет, находившиеся в 17-20 верстах от Кизляра. Новым поселенцам были предоставлены обширные права, закрепленные в Указе Павла I Сенату от 15 апреля 1799 г., и в Жалованной грамоте императора от 28 октября 1799 г.

В этих документах указывалось, что армянам, имеющим склонность к городскому образу жизни, к занятиям ремеслом и торговлей, позволялось основать новый город, получивший название Святой Крест (Сурб Хач). За два года до подписания императором указанной грамоты 70 семей коренных кизлярских армян обратились к властям с просьбой выделить им достаточное количество земли в Прикумье. Но уже 4 августа 1798 г.

Павел I подписал Указ Сенату об отводе земель на том же месте вновь прибывшим дербентским армянам – «доныне еще не водворенным» [17].

Становление города Святого Креста происходило чрезвычайно трудно. Долгое время население не прирастало, и его никак нельзя было назвать городским по образу жизни и занятиям жителей. Межевание земли затянулось на долгие годы, поэтому дербентские армяне, которым этот город предназначался, основательно обустроились в селах в селах Кизлярского уезда. В самом городе Святого Креста численно преобладавшие кизлярские армяне безуспешно пытались добиться таких же прав, которые предусматривались грамотой их дербентским соотечественникам. Не получив соответствующего удовлетворения, некоторые из них возвратились обратно в Кизляр. Таким образом население Святого Креста в первые десятилетия не превышало 200 человек. Вследствие этого встал даже вопрос об упразднении города. Но 28 апреля 1826 г. было принято решение: «Город Святого Креста оставить заштатным».

Решение сохранить город (пусть даже «заштатным») предопределило судьбу армянских сел на притоках р. Терек. Движение горцев заставило российское правительство усилить Кавказское линейное войско за счет причисления к военному ведомству жителей казенных селений. Это решение распространилось и на жителей сел Малохолинское, Дербентское, Караджалинское и Паробочево, которые Указом Николая I от 2 декабря 1832 г. в одночасье стали казаками, что должно было коренным образом изменить их традиционный образ жизни. Часть армян обратилась к властям с просьбой оставить их в прежнем состоянии. 12 января 1835 г. особым императорским решением это ходатайство было удовлетворено. Но одновременно армянам дали понять, что они теряют право на свои земли, теперь уже ставшие казачьими. У них был только один выход – переселение в Святой Крест.

Переселение происходило болезненно, так как армянам пришлось бросить нажитое за десятилетия недвижимое имущество, сады и виноградники. Однако, прибыв в Святой Крест, они обнаружили, что оказались обманутыми, так как потеряли все права, в частности на получение земли в размере 30 десятин. Благодаря прибывшим сельским армянам облик Святого Креста коренным образом изменился – началось постепенное благоустройство города.

Можно сказать, что российское правительство на определенном этапе нуждалось в армянских колониях. Миграционная притягательность Северного Кавказа для армян стала следствием заинтересованности в этом российской администрации, что явно прослеживается в период с XVIII до

50-х гг. XIX века.

Быстрый рост численности армян в России наблюдается как раз с петровского времени, что было связано с его восточной политикой. С правлением Петра I массовое переселение армян в регион стало немаловажной частью официальной политики России на Кавказе. С армянами-переселенцами российские власти связывали надежды на быстрый экономический подъем края через развитие здесь торговли и новых отраслей хозяйства. В период и после Каспийского похода Петра I численность населения армянских колоний в Прикаспии неуклонно растет. Армянское купечество вело здесь посредническую торговлю, занимаясь реэкспортом как восточных товаров, так и русских, имевших в регионе большой спрос: пестрядь, холст, различные металлы и изделия из них, а также скупкой и вывозом местных товаров - марена, шелк.

К середине XVIII в. страна накопила немалый опыт использования иностранцев в своих интересах, а также правового регулирования положения иностранцев. Армянское население было освобождено от воинской повинности, имело также другие привилегии и к тому же быстрее приспособлялось к местным природным условиям.

Наиболее массовым стало переселение крымских армян, происшедшее по инициативе российского правительства, с целью освоения малонаселенных южных районов империи. В августе 1778 г. на берег Дона прибыло более 12 тысяч крымских армян. По высочайшему указанию Екатерины II поселившиеся на Дону армяне основали многочисленную колонию, состоящую из нескольких селений (Чалтыр, Топты, Мец-Сала, Султан-Сала, Несвитай). Донские армяне в течение длительного времени пользовались широким внутренним самоуправлением [18]. Русско-турецкая война 1787—1791 гг. еще раз убедила российские власти в необходимости укрепления кавказского тыла. С этой целью Г.А. Потемкин, А.В. Суворов и И.Якоби приступили к сооружению новых укреплений и Кавказской военной линии. Была сооружена Азово-Моздокская военная линия с десятью крепостями при казачьих станицах. С

этого времени началась новая волна переселения армян на Северный Кавказ. Государство продолжало проявлять заинтересованность в колонистах-армянах. Они оправдали ожидания российского правительства и выполнили общие задачи, поставленные перед колонистами.

Таким образом, в истории возникновения и роста армянских поселений значительную роль сыграла государственная политика России, поощрявшая переселение армян в южные и юго-западные районы страны для заселения этих пустынных просторов, развития земледелия, скотоводства, ремесел и торговли, для укрепления экономических связей с Востоком и Закавказьем. Возникновение в различных районах Северного Кавказа многочисленных армянских поселений способствовало развитию дружественных армяно-русских отношений. В России для армян имелись несравненно более благоприятные условия для жизни и деятельности, чем в других странах. Армянские колонии в России особенно интенсивно росли в XVIII в.

В лице России армяне видели не только гарантию своего физического спасения, но и надежду на восстановление своего национального очага на исторической родине. Последнее соответствовало и геополитическим интересам Российского государства. Поэтому в период утверждения России в регионе начинается самая интенсивная миграция армян на Северный Кавказ. Российское правительство стремилось с их помощью развить торгово-экономическую жизнь в этих районах. Оно преследовало и политические цели: создать благоприятные условия усиления влияния на юге и успешного продвижения на Кавказе и в Закавказье.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Линниченко И. «Общественная роль армян в прошлом юго-западной Руси». – К., 1895. С. 10-13; ПСЗ – 1.Т. 1. № 409.

2. Цит.: Соловьев С.М. «История России с древнейших времен». М., 1962. Кн. VIII. С. 353.

3. Соймонов Ф.И. «Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого». «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах». 1763 г. Ноябрь. С. 396.

4. Цит.: Бутков П.Г. «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803г.». СПб., 1869. Ч.1. С. 4.

5. «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа». М., 1982.

6. Великая Н.Н. «Армяне Терского левобережья в XVII – XVIII вв.». «Армяне Северного Кавказа». *Studia Pontocausica*. Вып. 2. – Краснодар, 1995.
7. Броневский С. «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». М., 1823. Ч.2. С. 452.
8. ПСЗ-1. Т. 16 №№ 11879, 11880; Т. 17. № 12411.
9. Акопян В.З. «Армянская Апостольская Церковь на Ставрополье и Тереке». «К 1700 – летию принятия Арменией христианства». – Пятигорск, 2000.
10. «Сборник сведений о Северном Кавказе: К 125-летию Ставрополя» н/К./ Под ред. Г.Н. Прозрителева. Т. VI. – Ставрополь, 1910. С. 2.
11. Лопатин В.С. «Потемкин и Суворов». – М., 1992. С. 49.
12. «Присоединение Крыма к России... Т.2». С. 296, 317-319; «Архив военно-походной канцелярии гр. П.А. Румянцева-Задунайского» «Чтение в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете». Кн..4. – М., 1875. С. 86; Гегамянц Е. «Исторические выписки». Вып. 1, - Баку, 1909. С. 26.
13. Скальковский А. «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730-1823 гг.» Ч. I – Одесса, 1836. С. 138.
14. Мурзакевич Н. «Статистическое описание Таганрогского градоначальства на 1840 год» «Новороссийский календарь». – Од., 1839. С. 151.
15. Благовещенский В. «Обзор правительственных мер относительно иностранных поселенцев в России» «Журнал Министерства Внутренних Дел». 1850. Т. 30. С. 30.
16. «Свод законов Российской империи. Т.12». Ч. 2. – СПб., 1857. Ст. 126.
17. Акопян В.З., Ованесов Б.Т., Леденев А.Ю. «Святой Крест. Исторический очерк (1799-1999)». – Ставрополь, 1999.
18. Акопян В.З. «К истории административно-территориального устройства национальных меньшинств Северного Кавказа в 20-х годах» «Межнациональные отношения: состояние, проблемы, перспективы. Тезисы выступлений на региональной научной конференции 17-19 октября 1991 года. Часть 1». – Краснодар, 1991.

УДК 008

ВИКТОРИАНСКАЯ УРБАНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ И ЛЕКАРСТВ

Склярова Е.К.

URBANIZATION AND THE PROBLEM OF FOOD AND DRUG ADULTERATION DURING THE VICTORIAN PERIOD

Sklarova E.K.

Предметом исследования является комплексная оценка социальных проблем Великобритании на фоне викторианской урбанизации и модернизации социальной политики и здравоохранения. Историко-генетический и компаративный анализ расширяет современные представления о причинах происхождения и путях решения социальных проблем, таких, как общественное здравоохранение, фальсификация продуктов питания и лекарственных средств, алкоголизм, использование наркотических средств, здоровье нации.

The subject of the following article is the comprehensive assessment of Great Britain's social problems urbanization and modernization of social policy and the health care during the Victorian times. Historico-genetic and comparative analysis enlarges current ideas concerning the reasons of origin and the ways of solving social problems, such as national health care, food and drugs adulteration, alcoholism, narcotic substances abuse, health of the nation.

Ключевые слова

социальная политика, урбанизация, социальные проблемы, викторианское общество, фальсификация продуктов питания и лекарств, общественное здравоохранение, Великобритания

Keywords

social policy, urbanization, social problems, Victorian society, adulteration, drugs, public health system, Great Britain

Проблема фальсификации продуктов питания и лекарств является острой социальной проблемой современного общества. Однако эта проблема не является специфической только для России. Её корни глубоко уходят в предшествующие столетия и историю зарубежных стран.

В первой половине XIX века проблема фальсификации продуктов питания и лекарств остро стояла в ряду появившихся социальных проблем индустриальной эпохи в Великобритании. Каково же было питание и лекарственное обеспечение горожан в эпоху королевы Виктории? Этот вопрос волновал различные слои общества, отражаясь в прессе, государственных документах, работах известных политиков, медиков и историков.

Целью данного исследования является комплексная оценка социальных проблем на фоне викторианской урбанизации и модернизации социальной политики и здравоохранения. Историко-генетический и компаративный анализ расширяет современные представления о причинах происхождения и путях решения социальных проблем, таких, как общественное здравоохранение, фальсификация продуктов питания и лекарственных средств, алкоголизм, использование наркотических средств, здоровье нации.

В первой половине XIX века в Великобритании наметилась тенденция к значительному увеличению числа заболеваний и смертности. Многие семьи годами находились у черты бедности, не имея возможности купить простые продукты питания, не говоря уже о мясе и фруктах. Доктор Дж. Кей отмечал, что в Манчестере в 1830-е годы завтрак многих горожан состоял из чая, иногда с молоком и маленьким кусочком хлеба. Иногда добавлялась овсяная каша, в основном для мужчин. Обед для семей с низкими доходами включал вареный картофель, иногда масло и мясо. На ужин повторялась овсяная каша или картофель [1, P.7]. Исследователи подчёркивали, что в Великобритании в викторианскую эпоху 70% женщин в результате недостаточного питания страдали анемией [2, P. 48]. Санитарный врач Сити Лондона Дж. Симон писал, что «задолго до того, как недостаток питания окажет свое действие на здоровье, задолго до этого в домашнем быту исчезают все материальные удобства. Одежда и отопление становятся еще более скудными, чем пища. Жилищная теснота доходит до такой степени, что становится причиной болезни или их обострения. Даже поддержание чистоты становится слишком дорогим и затруднительным» [3, P.199].

Во второй половине XIX века в городских тюрьмах существовало четыре принципа составления диет: разнообразие, различие между тяжелым и легким трудом, по возрасту и полу. Кроме того, существовали различные

диеты для заключенных на разный срок. Рацион преступников официально состоял из хлеба, мяса, картофеля, масла, чая, сахара, молока, яиц и даже пива. Хлеб и мясо включались в рацион везде, картофель во всех тюрьмах, за исключением Эдинбурга, яйца – только в Лондоне. Масло получали преступники Манчестера, Глазго и Лидса [4, Р.86-87]. На деле, конечно, питание заключенных являлось не везде соответственным, но фактов голодной смерти не отмечалось. Кроме того, за питанием преступников следили медицинские инспекторы. Питание создателей Британской империи было во многих случаях недостаточно для поддержания здоровья. Б. Хейли указывал, что в 1830-1840-е годы цены на продукты питания в Англии были очень высоки и беднейшие классы в первую очередь страдали от недоедания [5, Р.17].

По мнению Э.Вула, только в последней четверти XIX века рацион питания викторианцев значительно улучшился. Стоимость средней национальной еженедельной корзины питания, состоящей из хлеба, масла, чая, молока и мяса, уменьшилась на 30% [6, Р.51]. Это был период ощутимого улучшения питания. Бурно развивающаяся промышленная мощь Британской империи обеспечила занятость населения и рост семейных доходов. Жизненный уровень начинал постепенно расти. Семьи городских рабочих с высокой заработной платой могли позволить себе хорошо и разнообразно питаться.

Однако рационом питания почти никто не занимался: ни наука, ни здравоохранение. Возникновение урбанизированного общества создало потребность в научном развитии пищевой промышленности, совершенствовании консервирования её продукции, возможности транспортировать её на дальние расстояния, а также хранить для продажи потребителям. В XIX веке в промышленных городах появилась проблема фальсификации пищевых продуктов. В викторианской империи продукты питания и, соответственно, здоровье нации портились подмешиванием более дешевых элементов. До 1840-х годов хлеб в Великобритании пекли, в основном, в сельской местности или в домашних условиях. В промышленных городах эта практика повсеместно прекратилась. Доктор Хассел первым исследовал проблему пищевых примесей, доказав, что половина хлеба, которую он подвергнул анализам, содержала значительное количество квасцов. Они увеличивали объем хлеба и придавали ему обманчивую белизну, нарушая пищеварение.

О невероятной фальсификации хлеба, в особенности в Лондоне, писал К. Маркс. Будучи корреспондентом немецкой газеты, он указывал, что впервые этот факт был разоблачен комиссией палаты общин Великобритании по вопросу о фальсификации пищевых продуктов в 1855-1856 годах и работой доктора Хассела о квасцах, продаваемых под названием «порошок пекарей» [7, С.260]. Булочки регулярно отбеливали хлеб квасцами из-за неприязни горожан к черному хлебу. Перечень ядовитых добавок, используемых в викторианской Англии, был таков: стрихнин и купорос в роме и пиве, сульфат меди в маринадах, консервированных фруктах, вине и варенье; свинец в горчице, вине и нюхательном табаке, известь в китайском чае. Свинец придавал сыру «здоровый» красноватый оттенок, его добавляли в сливки и крем. Чайную заварку сушили и окрашивали заново для продажи. Кофе смешивали с цикорием и бобами, гипс и алебастр добавляли в кондитерские изделия, масло смешивали со свиным салом, пиво с водой.

В 1870-х годах Совет местного самоуправления Великобритании обнаружил, что приблизительно четверть исследованного молока содержала чрезмерное количество воды и мела. В Лондоне медицинские чиновники выявили в мороженом кокки, частицы хлопчатобумажных волокон, вшей, блох, клопов, а также шерсть собак и кошек. Такое мороженое приводило к заболеваниям дифтерией и инфекционным лихорадкам. Минеральные яды присутствовали в пище и воде от водяных труб, краски, оборудования, используемого в производстве продуктов и напитков [8, Р.203].

Актуальной становилась проблема продаж негодного мяса. Ф.Энгельс указывал, что в 1844 году несколько мясников Манчестера предстали перед местным судом и были оштрафованы за продажу негодного мяса. Ежедневная пресса сообщала о подобных случаях, происшедших в Манчестере или в соседних фабричных округах, а также о «непостижимо ничтожных штрафах» за эти нарушения [9, с.305]. Русский журнал «Здоровье» сообщал, что Лондон, стоящий впереди почти всех санитарных усовершенствований во второй половине XIX века, все ещё отставал в вопросе устройства городских боен [10, с. 626]. В 1887 году «Ист Лондон Эдвертайзер» писал о необходимости решить острый вопрос о здоровой и не отравленной пище [11, 1887].

К. Маркс подчеркивал, что с развитием рыночных отношений и

капиталистического способа производства увеличилась фальсификация различных товаров и даже лекарственных средств. Так, например, исследование проб опиума, купленного в лондонских аптеках, показало, что в большинстве случаев продукт был фальсифицирован примесью маковых головок, пшеничной муки, глины, песка. Причем, во многих пробах не оказалось и следа морфина [12, с.615]. Предприниматели – шарлатаны фабриковали фальсифицированные препараты из воска, свиного жира и скипидара.

Английские врачи требовали высокую оплату своего труда, и многие горожане были не в состоянии оплачивать их услуги. Поэтому им приходилось обходиться без медицинской помощи или лечиться у дешевых лекарей, шарлатанов и знахарей. Рост среднего класса и материального благосостояния урбанизованного общества создал предпосылки для развития социальной политики, медицины и общественного здравоохранения. Дж. Парри отмечал «подъём медицинской профессии» в XIX веке [13, Р.104].

Однако необходимо отметить некоторую антипатию и негодование части викторианского общества по отношению к медицинской профессии. В городах Англии в 1830-х годах отмечались отдельные случаи манифестаций против научной деятельности медиков. В 1832 году в Манчестере прошёл митинг против принятия Анатомического билля, разрешавшего вскрытие трупов [14, Р.180]. Однако, только вскрытие трупа могло научно установить реальную причину смерти, в частности от приёма фальсифицированных продуктов питания или лекарств.

Ф. Энгельс еще в 1845 году свидетельствовал, что в английских городах имелось множество шарлатанов, которые привлекали клиентов из среды беднейших классов при помощи объявлений. В продаже имелись патентованные лечебные средства против всевозможных болезней: пилюли Моррисона, Парра, доктора Майнуэринга и тысячи других таблеток, обладавших особенностью, что излечение, якобы, всех болезней на свете. «Как наши немецкие крестьяне любят в определенное время года ставить себе банки или пускать кровь, так английские рабочие принимают патентованные средства, принося себе вред и наполняя карманы производителя этих лекарств» [15, с.337-338].

Средство Дж. Моррисона рекламировалось против лихорадки, кори, скарлатины, оспы, чахотки, немощи стариков, усталости. Он продавал

более миллиона упаковок своих пилюль. Изобретатели таких препаратов нажили состояние от продажи этих «лекарств». В середине XIX века в английских городах появилось много микстур, таких как «Годфри», «Порошок Стидмана», предохранительное средство для младенцев Аткинсона. В восточной Англии свободно продавался опиум. Детям давали маковый чай, от которого, по мнению докторов, они превращались в маленьких старичков и «маленьких обезьянок». В Манчестере каждая пятая-шестая семья рабочих использовала наркотики. Их продажа шла очень успешно в аптеках города. В Ноттингеме аптекарь, член городского совета, ежегодно продавал неконтролируемое количество наркотических препаратов [16, Р.34-35].

Одним из наиболее вредных патентованных лекарственных средств являлся напиток, изготовленный из опийных препаратов, и известный в продаже под названием «Укрепляющая микстура Годфри». Работающие женщины поили детей этим напитком, чтобы они лежали спокойно, когда работницы уходили на работу или чтобы «укрепить их». Этот препарат стал, зачастую, использоваться для уменьшения боли и успокоения маленьких детей в условиях беспомощности и непрофессионализма медицины, отсутствия средств контроля изготовления и продажи лекарственных средств. Опиум стал также широко распространенным городским «лекарством» и средством по уходу за детьми в условиях отсутствия детских садов и дошкольных учреждений. Нанимать няню было затруднительным делом в силу недостаточности финансовых средств. Использование опиума вело к физическим и физиологическим изменениям населения Великобритании, подрывало здоровье нации. В условиях промышленного переворота и урбанизации появились некачественные лекарства и различные микстуры, которые в основном широко использовались во всех больших городах и промышленных округах Британии.

До 1868 года продажа наркотических препаратов велась неограниченно. Доктор Гринхау, исследовавший проблему использования наркотических средств для Тайного совета Англии, отмечал, что дети постоянно употребляли наркотики и не достаточно питались. Ф. Энгельс соглашался с мнением доктора Джонса, ведающего записью актов гражданского состояния Манчестерского округа, что использование наркотиков являлось главной причиной частых смертных случаев [17, с.335]. Ю. Кучинский, изучавший условия труда в Великобритании,

также отмечал: «Чтобы дети оставались в безопасности и покое, когда их матери уходили на работу, им давали различные наркотики, которые носили многозначительное название, вроде «охрана детей» или «материнское благословение» [18, с.66]. Медицинские работники Великобритании в XIX веке убеждались, что одной из основных причин роста числа заболеваний и смертности (особенно детской) в городах являлась широко распространенная практика использования наркотиков, продажа которых была не урегулирована до конца века.

Опиум и алкоголь стали широко распространенным средством для уменьшения боли. В. Берридж назвала опиум «аспирином своего времени», используемым для успокоения капризных и больных детей [19, Р.17]. Кроме того, опиум стал новым постоянным источником доходов коммерсантов Великобритании. Парламентские документы и статистические материалы свидетельствовали о том, что в 1849-1853 годах в Англии ежегодно от пьянства умирали в среднем 4,5 человека на 100 000 жителей [20, Р. 183]. И. Венгрова отмечала широкое распространение пьянства в викторианских городах как обычное явление [21, с.61]. Ф.Энгельс утверждал в 1840-х годах: общеизвестно, что в одной Англии выпивается больше портвейна, чем могут дать все виноградники Португалии». В палате общин в 1843 году подчёркивалось, что горожане ежегодно тратят на спиртные напитки до 25 млн. фунтов стерлингов [22, с.306, 359]. По данным русского учёного В. Португалова Великобритания тратила на пиво в четыре раза больше, чем Германия [23, с.59].

В. Науменков нашел интересный факт, поразивший в начале 1860-х годов канцлера Германии Бисмарка. Прибыв в Лондон, он впервые увидел пьяную женщину, валявшуюся на грязном тротуаре. Такого зрелища канцлер не наблюдал «ни в любимшей гульнуть с истинно купеческим размахом Москве, ни в чинном, но умевшем расслабиться Петербурге, ни в сверх легкомысленном Париже, ни, тем более, в чопорных немецких городах». В. Науменков подчеркнул, что «повальное пьянство поощрялось английскими властями» [24, с. 56]. По мнению, Э. Валлича проблема пьянства беспокоила определенную часть английского общества лишь в той мере, какую оно наносило урон предпринимателям [25, с.41]. Алкоголь считался причиной огромного количества умопомешательств среди пьющих англичан. Пьянство было широко распространено и в тюрьмах XIX века. Оно уже расценивалось, как заболевание. Алкоголизм в XIX веке

становился обычным массовым явлением, особенно в городах Британии, постепенно приобретая социальное значение.

Таким образом, урбанизация, рост и концентрация городского населения, фальсификация продуктов питания и лекарственных средств, проблема продажи негодного мяса, возникновение рынков и боен, пьянство и использование наркотических средств, отсутствие соответствующей научной системы общественного здравоохранения в новых городских условиях непосредственно отражался на продолжительности жизни и смертности населения, здоровье нации. Городские низы почти не обращались к услугам медиков. Деятельность врачей в начале XIX века зачастую была мало или почти совсем неоплачиваемой. Непрофессиональное знахарство перекочёвывало из доиндустриального к урбанизованному обществу. Продажа и использование опиума широко распространились в городах и поощрялась фабричной системой. Необходимость выработки новой модели социальной политики стала актуальной в условиях урбанизации. Рост среднего класса и материального благосостояния урбанизованного общества создал предпосылки для модернизации и профессионализации викторианской социальной политики, медицины и общественного здравоохранения. Социо-медицинские проблемы, рост числа заболеваний и смертности генерировали уничтожение отживших методов социально-политического регулирования, становление системы общественного здравоохранения, как фундамента современной социальной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kay J. P. *The Moral and Physical Condition of Working Classes Employed in the Cotton Manufactures in Manchester*. L., 1832.
2. Wohl A. S. *Endangered Lives: Public Health in Victorian Britain*. Cambridge, 1983.
3. Simon J. *English Sanitary Institutions*. L., 1890.
4. Emsley C. *Crime and Society in England*. London - New-York, 1989.
5. Haley B. *The Healthy Body and Victorian Culture*. Cambridge, 1978.
6. Wohl A. S. *Op. cit.*
7. Маркс К. «Капитал». М., 1978. Т. 1.
8. Pollard S. *A History of Labor in Sheffield*. Liverpool, 1959.
9. Энгельс Ф. «Положение рабочего класса в Англии» Соч. 2-е изд. Т. 11.
10. «О городских бойнях». «Здоровье». 1875. № 29.
11. *East London Advertiser*. 1887. Feb. 26.

12. Маркс К. Указ. соч.
13. Parry J. The Rise of the Medical Profession. L., 1973
14. Durey M. The Return of the Plague. Dublin. 1979.
15. Энгельс Ф. Указ. соч.
16. Wohl A. S. Op. cit.
17. Энгельс Ф. Указ. соч.
18. Кучинский Ю. История условий труда в Великобритании империи. М., 1948.
19. Berridge V. Opium and the People. L., 1981
20. Report of Commissioners on Inquiry into the Employment of Children and Young Persons in Mines and Collieries and in the Trade and Manufactures in which Numbers of Them Work Together, not being Included under the Factories Regulation Act // P.P. 1842. Vol. XV-XVII. Appendix I.
21. Венгрова И. «Из истории социальной гигиены в Англии XIX в.» М., 1970.
22. Энгельс Ф. Указ. соч.
23. Португалов В. «Пьянство, как социальный недуг». «Архив судебной медицины и общественной гигиены». 1869. № 1.
24. Науменков О. А. «Из истории внутренней политики консервативной партии Великобритании». Саратов. 1989.
25. Валич Э. И. «Законы о бедных в английской публицистике конца XVIII века и теория нищеты Чарльза Холла». М., 1990.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 39

ЧУКОТСКИЙ ШАМАНИЗМ: РЕЛИГИОЗНАЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ФУНКЦИИ

Брачун Т.А.

CHUKCHI SHAMANISM: RELIGIOUS AND SOCIO-CULTURAL FUNCTION

Brachoun T.A.

В статье исследуется чукотский шаманизм как социокультурное явление, его функции, элементы и принцип космогонии. Автор приходит к выводу, что шаманизм чукчей лишь отчасти представляется религиозным феноменом. К числу его важнейших функций относится накопление и трансляция этнического опыта, аккумуляция и хранение культурного этнического кода. Дальнейшие исследования чукотского шаманизма позволяют не только выявить особенности развития этнокультуры чукчей, но и способствуют выработке критериев для исследований других этнических культур.

The article considers Chukchi shamanism as a socio-cultural phenomenon, its functions, elements and concepts of cosmogony. The author comes to the conclusion that Chukchi shamanism is only partly represented as a religious phenomenon. Such significant functions as accumulation and transmission of ethnic experience as well as accumulation and storage of culturally ethnic code are referred to it. Further research of Chukchi shamanism allows not only to reveal the peculiarities of ethnical culture of Chukchi people, but also to promote working-out criterion for researches of other ethnic cultures.

Ключевые слова:

Шаманизм, чукчи, этническая культура, этнический опыт, космогония

Keywords:

Shamanism, Chukchi, ethnic culture, ethnic experience, cosmogony

Шаманизм чукчей представляет собой особый феномен культуры, констатирующий в себе не только элементы нарождающегося мировоззрения, а также всю толщу этнической мифологии. Одновременно он яв-

ляется формой накопления и трансляции этнического опыта. Шаманизм формирует этнический стереотип поведения, когда посредством мифологии о злых или добрых духах и взаимоотношениях с ними, человек, шаг за шагом, создает этические предпочтения, механизмы взаимодействия с окружающей природой, складывая, таким образом, свой культурный код. Шаманизм чукчей не является исключительно культовым, религиозным феноменом, а шаман не выступает лишь служителем культа, жрецом. Шаман есть посредник в общении с более «тонкими» мирами и существами, врачеватель, человек с более широким мировоззрением, живущий не только земными началами.

Следовательно, шаманизм является важнейшим элементом этнической культуры, и именно под таким углом его необходимо рассматривать, не умаляя, при этом, его большого социально-исторического значения.

Суть шаманизма, на наш взгляд, заключается в признании богатства и многообразия мира, намного превышающие познания человека о нем самом. При этом знания человека о мире выражаются в мифологии, то есть в специфической системе и форме знания, предшествующей иным формам знания. Констатируя наличие громадного количества природных сил и таинств, шаманизм, признавая ничтожность человека, тем не менее, предлагает целую систему, компенсирующую неуправляемое воздействие на человека со стороны внешнего мира. Таким образом, практически все значимые явления и объекты природы одухотворяются и анимируются через признание обязательного наличия сверхъестественных существ, населяющих природу. Каждый объект имеет свое иное воплощение, помимо материально-предметного. И это воплощение является «душой», духом предмета или явления.

Человек в своей практической деятельности имеет дело лишь с материально-предметным миром, но, согласно мифологии шаманизма, должен учитывать и более тонкие субстанции, их суверенную жизнь и таинственную силу. Пренебрежение этим законом непременно влечет за собой возмездие со стороны духов.

Космогония чукотского шаманизма, выраженная в этнической мифологии, признает наличие, как минимум, двух миров. Один из них осязаем и видим, реален и представлен в явлениях и предметах. Этот

внешний мир есть также обиталище человеческих тел, в нем протекает жизнь человека. Этот мир грандиозен, и, в целом, враждебен, хотя со многими трудностями человек способен справиться самостоятельно, в процессе своей деятельности. Но считать, что это и есть тот самый, единственный, объективный мир, представляется ошибочным и не верным. Существует иной, тонкий, еще более грандиозный мир, где проживают духовные субстанции. Это «мир духов». Он настолько велик, что вмещает в себя и «первый» мир, со всеми его явлениями и объектами.

Человек в чукотской мифологии, выражающей космогонические идеи, есть существо, которое способно чувствовать «мир духов», общаться с ним, прибегая к особым духовным практикам. Эта способность человека выделяет его из мира природы, делает более приспособленным и подготовленным к жизни в суровых условиях материально-предметного бытия. Общение с духами позволяет человеку смягчать их гнев, поступать более целесообразно, сочетать свои потребности с возможностями природы, соблюдать табу.

Специфика чукотского шаманизма, на первый взгляд, выражена в его форме. Так почти все наблюдатели и исследователи, среди которых такие как Богораз В.Г., Свердруп Г.У., Сколярский В.В., Вдовин И.С. и другие отмечают, что чукотский шаманизм дуален. С одной стороны, он допускает отправление обрядов без участия «специалистов», то есть шаманов. Так в каждой семье есть предметы культа, а также человек, умеющий их «применять». Фактически это означает, что в каждой семье есть «свой семейный» шаман, обладающий не только навыками, но и определенной властью. Он с определенной периодичностью или по необходимости совершает обряды, чем обеспечивает искомое «духовное кормление» членов семьи, а также предуготовление к неким социальным и производственным актам. «Шаманящего чукчу можно найти почти во всякой семье...» - писал по этому поводу Олсуфьев А.В.[1, с. 117]

Это говорит о глубоком укоренении шаманизма среди чукчей, когда практически каждая семья напрямую, без участия шамана, могла осуществлять религиозные обряды. Такое широкое распространение шаманизма исключало элементы атеизма, поскольку помимо меры распространения, шаманизм нес еще и элементы знания и мировоззрения, был лоном этнической мифологии, а, следовательно, духовной культуры.

С другой стороны, шаманизм был и делом профессионалов. Олсуфь-

ев А.В. писал: «...Что же касается настоящего шамана, то он составляет неперемнную принадлежность каждого сколько-нибудь значительного стойбища».[2, с. 117] И это уже вопрос «более глубоких» навыков и знаний, более глубокой специализации.

Дело в том, что чукотский шаманизм не являлся препятствием прямого и непосредственного общения с духами любого члена сообщества. Это общение могло осуществляться и через «посвященного» члена семьи, унаследовавшего свои знания от родственника-предшественника. Но почти всегда это было общение «предварительного» характера, когда было необходимо испросить разрешения у духов, принести им жертву и т.д. Это делалось в «стандартных» ситуациях, связанных с охотой, кочевьем, семейной традицией и т.д. Но были и специфические манипуляции, требующие более мощного воздействия. Так шаманы изгоняли духов болезней, ликвидировали дефекты, называемые теперь «порчей» или «злым роком» и т.д. Есть и манипуляции, имеющие не семейное, а коллективное значение. И это тоже было делом шаманов. Таким образом, шаман отвечал за более специфические обряды, а также за обряды коллективного характера. Но шаман является и наставником, консультантом, учителем в подготовке и осуществлении семейных обрядов.

Вдовин И.С. отмечает, что можно выделить два уровня защиты, которые имел любой член сообщества. Первый связан с известными каждой семье способами защиты от злых духов.[3, с. 182] Тут можно назвать и применение амулетов, знание семейной и этнической традиции, знание мифологии, повествующей о «злых» и «добрых» духах, хорошее знание семейного опыта и т.д. Все это связано с умением привлечь на свою сторону потусторонние силы природы, облегчить, тем самым, свою жизнь, сохранить добрые традиции, избавиться от невзгод. Это индивидуальный уровень защиты, тот минимум, которым должен владеть каждый, так сказать, «индивидуальный культурный код».

Второй уровень защиты связан непосредственно с семьей, как индивидуальной, атомарной, так и с патриархально-родовой общиной, родом. Фактически, это коллектив, действующий в рамках этнического способа производства, имеющий помимо традиции еще и стройную иерархию.[4, с.183] В рамках этого сообщества осуществлялись годовые хозяйственные циклы, традиционные жертвоприношения, хранилась и приумножалась родовая мифология. «Производственным руководителем, духовным

наставником, первым защитником был глава патриархально-семейной общины. Его авторитет во всех жизненных делах был непререкаем. Он отправлял религиозные обряды, связанные с годовыми хозяйственными и промысловыми циклами. Он решал, как следует поступать в случаях непредвиденного несчастья, если, конечно, рядом не оказывалось сведущего в таких делах авторитетного шамана».[5, с.183]

Этнический способ производства чукчей, основанный на гармонии с природой, породил тот тип шаманизма, который обеспечивал поведенческий экологический императив. Практически, это способ неустанного и постоянного поиска своего места в мире через понимание того обстоятельства, что твоя жизнь не должна принести ущерб природе.

Шаман в чукотской культуре представляется фигурой весьма сложной и разносторонней. В свое время именно это качество чукотских шаманов подчеркивалось в этнографической и пропагандистской литературе, когда требовалось неоспоримое доказательство манипулятивности действий шамана, их корысти. Однако, представление шамана средоточием пороков, как мы уже отмечали, не имеет конструктивного начала. Взгляд современника на шаманизм должен быть более серьезным и, если угодно, любознательным, пытливым.

Исходя из промежуточного, посреднического положения шамана в мире людей, он выполнял целый ряд специфических манипуляций, обеспечивающих всесторонний контакт с миром духов. Во-первых, шаман выполнял роль коммуникатора или прямого посредника с миром духов. Богораз называл эту категорию общения «чревовещанием». Он, зная о чаяниях соплеменников, а также об их планах, мог доносить волю духов до слушателей посредством чревовещания. Это был непосредственный контакт с духами по принципу: «спросил – ответил» при помощи шамана. Сам акт камлания представлялся захватывающим зрелищем, имеющим, вместе с тем, весьма прагматическое значение, поскольку формировал поведенческие реакции и доминанты в связи с полноценным ощущением связи миров, связи материальных и духовных субстанций.

Во-вторых, шаман прибегал к медитационной практике. Во время сеанса он анализировал поведение человека или сообщества, рассматривал опасности и возможные удачи, предсказывал судьбу и называл конкретные опасности. Среди них могли быть какие-либо топографические объекты, куда не следовало ходить, люди, с которыми не следовало

встречаться, животные, которых нужно опасаться и т.д. Фактически это были советы шамана какому-то конкретному лицу или коллективу как поступать, как жить.

В-третьих, были и заклинания. Этот третий тип шаманских действий, был направлен на конкретное воздействие на духов, а иногда — на отчаянную борьбу с ними. Так, чтобы изгнать злого духа из тела больного, от шамана требовалась самоотверженность, поскольку воевать с духами было делом очень опасным и непредсказуемым. Шаман не просто общался с духами и механически передавал их волю, а пытался воздействовать на них, исключить или усилить их влияние.

В целом, мы видим, что шаманы в своей деятельности прибегали к достаточно широкому кругу манипуляций, в зависимости от задач, стоящих перед ними в каждой конкретной ситуации. При этом они выполняли совершенно определенные задачи: от акций духовного кормления, стоящих на грани гипнотического психотерапевтического воздействия на человека, до манипуляций медицинского характера. Но всякий раз, что бы не делал шаман, он общался с духами. Таким образом, все, что происходит в мире реального, признавалось вторичным по отношению к миру духов, тонкому миру. Причиной всего была жизнь духов, а реальный мир это лишь следствие тонкого мира.

Шаманизм имел большое разнообразие своих проявлений, главным образом, через личность самого шамана. Были шаманы, которые работали наяву, то есть, не впадая в транс, а совершали акты камлания в свежем и ясном рассудке. Были шаманы, которые предварительно погружались в состояние транса, то есть помещали свою психику, свое сознание на грань тонкого и реального миров, для того, чтобы наяву общаться с духами. Сеансы таких шаманов имели большой психологический эффект. Часто они совершали длительные путешествия в мир духов, в поисках заблудшей или умершей души. Шаманы путешествовали в пространствах, недоступных для обитания смертных. Найдя душу, они либо уговаривали ее вернуться и образумиться, либо приносили в мир реальности ее волю. Для этого шаманы впадали в состояние длительного сна.

Многие исследователи отмечают, что среди шаманов попадались люди разных характеров и темпераментов. Это очень добрые шаманы, которые всегда были желанны: в любую пору, в любом стойбище. Они несли устойчивые представления о справедливости, благосостоянии,

здоровье, снимали порчу и т.д. Но существовали и «специалисты» по общению со злыми духами. Таких шаманов «любили» особенно именно злые духи и помогали им в их земной жизни. Они выполняли «черные» просьбы, напуская на животных и людей мор и наводили порчу. Само наличие таких шаманов служило предостережением и серьезным препятствием для человека, ведущего неправедный образ жизни. По крайней мере, было совершенно ясно, что если уж ты взялся за гнусное – дело причинение вреда другим, то зло к тебе может вернуться. Таких людей, обладающих талантом общения со злыми духами, опасались и избегали.

Дело в том, что злые духи, наводящие порчу или злые чары («уйвэл»), однажды забрав душу хорошего человека, непременно проголодаются и явятся за новой. Тогда шаман вынужден наводить злых духов на все новые и новые жертвы. Именно поэтому, злые шаманы иногда заканчивали свою жизнь трагически.

Многие магические «акции» шаманов были описаны уже в советское время. Так самым распространенным видом наведения порчи были манипуляции с образом жертвы. Необходимо было изобразить жертву и назвать это изображение ее именем. При этом изображение не должно быть реалистичным, а должно лишь отдаленно напоминать жертву. Один из случаев описан Вдовиным И.С.

Он пишет, что в поселке Чикаево на реке Анадырь, по одну ее сторону жила семья престарелых шаманов-эвенов, а по другую сторону жила шаманка-чукчанка. Так случилось, что чукчанка заболела проказой и обвинила в этом своих конкурентов – эвенов: якобы они напустили на нее порчу. В ответ на это она изготовила фигурку человека из ваты, осыпала ее сахаром, нашептала заклинание и бросила в печь. Вскоре шаманы-эвены умерли. Все были убеждены в том, что так шаманка расправилась со своими недоброжелателями. [6, с.188-189]

Исследуя этот аспект шаманизма, Вдовин И.С., большой знаток чукотской этнической культуры, приходит к выводу о большом влиянии «злых шаманов» на человека: «Известие о напуске порчи обычно приводило к психологическому потрясению, особенно слабые, суеверные натуры». [7, с. 189] Вера в неотступное следование за тобой злых духов, сила которых непреодолима, в конце концов, настраивало человека на скорую смерть, и он воспринимал все невзгоды как предопределенность,

влияние мира духов. Находясь «под прицелом» сил зла, он чувствовал себя обреченным и ожидал смерти в любую минуту.

Специализация чукотских шаманов неизбежно наводит на мысль о весьма широком, и не только религиозном значении шаманизма. Так одна из сфер деятельности чукотских шаманов заключается в, так называемом, управлении погодой. Излишне говорить о том, какое значение имеет погода в хозяйственной жизни чукчей. И в оленеводстве, и в морском промысле погода играет решающую роль, поскольку от нее напрямую зависит благосостояние человека. В связи с этим в среде чукотских шаманов выделяется группа шаманов, которая имеет непосредственное отношение к «управлению» погодой.

Следует отметить, что даже исследователи «советского периода», крайне критически относящиеся к шаманизму, считая его воплощением мракобесия, неоднократно восхищались таинственным искусством шаманов воздействовать на погодные условия. Богораз неоднократно приводит примеры таинственных заговоров погоды, благодаря «нашептыванию» шамана, его таинственному наговору, вдруг перестает дуть ветер и т.д. Он даже упоминает, что некий шаман передал ему текст заклинания для укрощения плохой погоды.[8, с. 155-156, 166] Особый авторитет шаманы-кудесники имели у береговых чукчей, занимающихся морским промыслом.

Конечно, следует весьма и весьма критически относиться к подобным заявлениям. Значительно чаще шаманы не достигали успеха в укрощении ненастья, объясняя это «несговорчивостью» духов, их озлобленностью на людей и т.д. Но в любом случае подобные манипуляции, скорее всего следует относить не к конкретно-религиозным обрядам, а к магии, колдовству. Таким образом, шаманизм чукчей не выделился в религию в «чистом виде», а нес в себе элементы магии, колдовства, театра, игры, знахарства. Всякий раз шаманизм демонстрирует непосредственную «привязку» к жизни, к важнейшим ее аспектам: хозяйственной деятельности, проблемам рода, семьи, мира обыденности. Шаманизм не абстрагировался в самостоятельную форму знания, и, за исключением оригинальной космогонии, не предложил завершенного этического учения, не сформулировал идеи Бога, как абсолютного существа, не выстроил самостоятельной концепции человека. Он нес лишь фрагментарные признаки религии и формировал систему сдержек и противовесов,

формирующую целокупную систему Человек – Природа – Общество – Культура.

В этом смысле шаманизм выступает вместилищем и генератором начального знания, духовной культуры, этических представлений и систематизирует их в архаической мифологии.

Недостаток знаний чукотских шаманов и частая подмена их магическим ритуалом хорошо просматривается в, так называемой, медицинской практике шаманов. Врачевание, как один из самых распространенных видов деятельности чукотских шаманов, представляло собой смешение конкретно-манипулятивных и магических практик. Условно, болезни делились на две большие группы: внешние (порезы, ушибы, гнойные нарывы, переломы и другие травмы) и внутренние.[9, с.192-193]

Внешние болезни лечились, в основном, благодаря хирургическим манипуляциям. Шаманы умели накладывать примитивные шины, вправлять кости, вскрывать гнойные нарывы, обрабатывать раны травами, тюленьим жиром, кореньями, золой, накладывать повязки из мягкого меха. Это говорит о том, что шаман обладал постепенно формируемым и накапливаемым рациональным положительным знанием о простейших способах и приемах врачевания.

Сопровождение такого лечения заговорами и магическим актом также имело лечебный эффект, поскольку успокаивало пациента, помогало перенести нестерпимую боль, способствовало релаксации и вызывало большое доверие к врачу.

Внутренние болезни лечились, исходя из диагноза, поставленного априори, поскольку любое внутреннее заболевание трактовалось как «вселение злого духа». Этот дух мог поселиться в любом органе больного, поэтому действия врача были направлены на устранение основной причины заболевания – изгнание злого духа. Если этого удавалось достичь, то человек самостоятельно справлялся с последствиями заболевания и быстро выздоравливал.

Лекарь-шаман есть фигура таинственная и могущественная. Не имело никакого, либо почти никакого значения: выздоравливал больной после шаманского сеанса терапии или нет. Шаман всегда находился в преимущественном положении. Если злосчастная внутренняя болезнь была простой простудой или легкой инфекцией, что случалось очень часто, то болезнь быстро проходила при надлежащем домашнем уходе,

если болезнь была тяжелой, то всегда была наготове отговорка о том, что духи сильно разгневались и не вняли просьбам шамана. Кстати, к русским врачам чукчи долгое время относились тоже как к шаманам, людям, обладающим большой властью над духами. Авторитет русских врачей не подрывало даже то, что они никогда не прибегали к заклинаниям, а лечили посредством рациональных методик.

Шаман никогда, или почти никогда не брал вознаграждение за свои деяния. Ему не платили ни в случае «разгона облаков», ни в случае предсказания будущего, ни в случае совершения какого-либо другого обряда. Правда, если шаман предсказал хорошую охоту, наметив при этом некоторые ее подробности, предварительно склонив духов на сторону охотников, ему могли отдать после охоты лучшую часть добычи. Твердая плата полагалась только, если его позвали для лечения больного. В этом случае шаман мог оговорить плату предварительно, причем зависела она от многих обстоятельств: от личных взаимоотношений, сложившихся к моменту вызова шамана, от богатства семьи больного, от нужды самого шамана и т.д. Такая плата называлась «кыткав» — жертва, искупительная жертва. Она предназначалась одновременно и шаману, и духам. Так, например, если для совершения акта лечения стороны сговорились забить несколько оленей, то души оленей отходили духам, а их туши — шаманам. Духи в этом случае питались «свежими душами» животных, а шаман — свежим оленьим мясом. Таким образом, одна жертва шла на умиротворение духов и удовлетворение материальных потребностей шамана.

Чукотский шаманизм представляется явлением более широким, чем принято считать. Это объясняется двумя основными факторами. Во-первых, чукотский шаманизм не замыкался на духовном подчинении шаманам, и даже поработении со стороны шаманов. Это было этническое мировоззрение, вырастающее из космогонической модели, предполагающей дуальность мира. «Нижний мир», населенный людьми и животными, наполненный предметами и объектами, выступал обиталищем временным и почти случайным. «Верхний мир», обиталище духовных субстанций, рисовался вечным и незыблемым. Вера в дуальность мира формировала особое отношение к природе, почти каждый объект, которой имел своего духа, покровителя. Таким образом, взаимоотношения с природой, с кормящим ландшафтом, представлялись, в конечном счете, взаимоотношениями с духами. Понимание этого исключало атеизм, то

есть пренебрежение волей духов. Так религия шаманизма становилась практически делом каждого, поскольку умение «общаться» с духами становилось едва ли не ежеминутной потребностью.

Этот вывод подтверждает и то обстоятельство, что социальный статус чукотских шаманов не был одинаков и напрямую зависел от благосостояния семьи. Были шаманы-бедняки, но были и зажиточные шаманы. Шаманы так и не выделились в отдельную социальную категорию. Более того, некоторые функции шаманов выполняли главы родов и семей. Так или иначе, вывод о том, что каждый представитель этноса был отчасти шаманом, представляется абсолютно верным.

Во-вторых, чукотский шаманизм не есть лишь религиозный феномен. Было бы верным полагать, что шаманизм чукчей стал вмещилищем интеллектуальной, духовной и хозяйственной культуры. В нем произрастали первые знания о человеке и мире, формировались практические навыки рационального природопользования, медицинские навыки и знания, знания явлений природы, откладывалась и накапливалась информация исторического характера и распространялась в виде мифов. В этом громадное культурное значение шаманизма.

Усиление роли шаманов, по-видимому, могло быть связано с постепенным обособлением религиозной составляющей шаманизма и специализацией шаманов (архаическое жречество, лекари, колдуны, учителя, сказители и т.д.). Однако, данный процесс, процесс естественного генезиса духовной культуры, был прерван.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи... СПб., 1896, С. 117.
2. Там же. С 117.
3. Вдовин И.С «Чукотские шаманы и их социальные функции». «Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины 19-начала 20 в.)» Ленинград, 1981 С. 182.
4. Там же. С.183.
5. Там же. С. 183.
6. Вдовин И.С. Указ. соч. С. 188-189
7. Там же. С. 189.
8. Богораз В.Г. «Чукчи. Религия \ авторизованный перевод с английского», редакция Ю.П. Французов. Л., 1939. Ч.2. С. 155-156, 166.
9. Вдовин И.С. Указ. соч. С. 192-193.

УДК 316.7

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СУЩНОСТЬ И МОДУСЫ НИГИЛИЗМА В КУЛЬТУРЕ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Т.В. Константинова

SOCIOCULTURAL ESSENCE AND MODUSES OF THE NIHILISM IN THE CULTURE OF A TRANSITIVE SOCIETY

T.V. Konstantinova

Статья посвящена различению нигилизма как социокультурного феномена и социокультурной сущности нигилизма. При определении социокультурной сущности нигилизма автор исходит из специфики культурологического исследования.

The article includes the distinction between sociocultural phenomenon and sociocultural essence of nihilism. The author starts with specific character of the culturological research as the definition of sociocultural essence of nihilism .

Ключевые слова:

социокультурная сущность, модус, ничто, культурная форма.

Keywords:

sociocultural essence, modus, anything, the cultural form.

Истощение внутренних возможностей цивилизации, о котором в свое время писал А.Дж. Тойнби, имеет главную причину в подрыве ее духовной основы. Преодоление духовного истощения реализует себя в нигилизме. Но если нигилизм — это всего лишь категоричное, всеобщее и агрессивное отрицание, то непонятно, почему он столь живуч и почему он выступает столь притягательным объектом анализа для многих исследователей. В связи с этим задача данной статьи состоит в выявлении социокультурной сущности нигилизма, а также его модусов и проявлений в культуре.

Нигилизм в широком смысле выражает отрицательное отношение субъекта к определенным ценностям, нормам, идеалам, отдельным сторонам человеческого бытия, а зачастую — ко всему бытию в целом.

Нигилизм является одной из форм мироощущения и социального поведения. Нигилизм разворачивается прежде всего в виде мироощущения, отвергающего утвердившиеся в обществе нормы и ценности. Позже оформляется осознание, рефлексия этого мироощущения. Когда высшие ценности обесцениваются, лишается ценности и опирающееся на них сущее. Возникает ощущение неценности, ничтожества всего существующего. Таким образом, нигилизм возникает раньше, чем начинает осознаваться. Его теоретическое осознание происходит в философии Ф. Ницше. Ф. Ницше вскрыл связь нигилизма с отрицанием мира идеальных сущностей, отождествляемого со сферой божественного. Бог, по выражению Ницше, «умер» в том смысле, что мир и человек приобрели самостоятельность и лишились той высшей инстанции, которая только и могла придать смысл и миру, и человеческой деятельности в нем.

М. Хайдеггер так писал о феномене «смерти Бога»: «Это значит: «христианский Бог» утратил свою власть над сущим и над предназначением человека. «Христианский Бог» здесь одновременно служит ведущим представлением для «сверхчувственного» вообще и его различных толкований, для «идеалов» и «норм», «для «принципов» и «правил», «для «целей» и «ценностей», которые учреждены «над» сущим, чтобы придать сущему в целом цель, порядок и — как вкратце говорят — «смысл». Нигилизм есть тот исторический процесс, в ходе которого «сверхчувственное» в его господствующей высоте становится шатким и ничтожным, так что само сущее теряет свои ценности и смысл. Нигилизм есть сама история сущего, когда медленно, но неудержимо выходит на свет смерть христианского Бога. Не исключено, что в этого Бога еще долго будут верить и считать его мир «действительным», «действенным» и «определяющим». Это похоже на то явление, когда свет тысячелетия назад погасшей звезды еще виден, но при всем своем свечении оказывается чистой «видимостью»[1, с. 67]

Нигилизм, по Хайдеггеру, образует внутреннюю логику европейской истории, состоящую в том, что место Бога занимает другими инстанциями — прежде всего авторитетом совести, разума, а сегодня — юридическими установлениями. Все «сверхъестественное» объявляется фикцией, и вместо идеи потустороннего блаженства ставится цель посюстороннего, земного совершенствования, создания культуры, распространения цивилизации. Творчество, являющееся прежде способнос-

тью только Бога, приписывается человеку. В итоге «человек становится самоутверждающимся основанием и мерой для всей достоверности и истины» [2, с. 114]

Сегодня нигилизм — явление не локальное, а тотальное, свидетельством чего выступает, как показал Э. Юнгер, не только отсутствие святого, но и отсутствие совершенных произведений искусства, мыслей «высшего порядка», величия в проявлениях человека.

Несмотря на то, что теме нигилизма со времен Ницше посвящено значительное количество работ, само «понятие нигилизма не только причисляется к неясным и спорным, но и используется полемически... «Хорошее определение нигилизма можно сравнить с обнаружением возбудителя рака. Оно не привело бы к исцелению, но хотя бы стало его предпосылкой...» [3, с.16-17]. Эти слова Э. Юнгера, написанные еще в 1950 г., справедливы и сегодня.

Нигилизм как идея и как течение общественной мысли многолик: в широком смысле к нему причисляются и атеизм, и отрицание принятых норм нравственности (которое может быть тотальным и бесповоротным, а может выступать как первая ступень в поиске новых нравственных начал), и правовой нигилизм, и экономический, и исторический нигилизм. Примером последнего является нигилистический взгляд на исторический путь России, на смысл русской истории, отрицание нашей духовной традиции в лице православной культуры. Такой исторический нигилизм называют цинизмом, который оценивается как более опасное явление, чем экономические неурядицы. Но существует также нигилизм как форма социального поведения, проявляющегося в виде контркультурных движений, экстремизма (как приверженности к крайним действиям, связанной с утратой веры в действенность легитимных методов социального действия) и терроризма.

Нигилизм как идея и как социальное поведение не изолированы друг от друга: они взаимосвязаны. Возникнув однажды, нигилизм имеет тенденцию к распространению своего влияния, расширяя свое действие не только в отдельных сферах жизни общества (появляется, как было сказано выше, исторический, правовой, экономический нигилизм), но «заражая» собой все новые поколения людей. В этой связи важно проследить, в чем состоит социокультурная сущность нигилизма и какие механизмы задействованы в его распространении.

В отечественной литературе уже неоднократно проводился анализ самого явления нигилизма и как элемента определенной структуры социокультурных контекстов, и как элемента определенной системы идей [4]. Отметим те общие моменты, которые составляют содержание данного явления и, соответственно, понятия.

Во-первых, отмечается, что центральным моментом в определении нигилизма выступает понятие «отрицание». Нигилизм создается, как показал А.И. Новиков, не просто отрицанием, а особого рода отрицанием – отрицанием не как «снятием», а как разрушением, т.е. недиалектическим отрицанием. С точки зрения диалектики нигилистическое отрицание – это «зряшное» отрицание: оно претендует на полное уничтожение и отбрасывание отрицаемого без сохранения каких-либо элементов старого в новом. Однако тяготение нигилистического отрицания к ничто делает его более сложным, чем простое «зряшное» отрицание.

О принципиальном признаке нигилизма – его тяготении к «ничто» – обратил внимание М. Хайдеггер: нигилизм господствует там, где «все теснит к ничто» [5, с. 67]. М.Хайдеггер, анализируя ничто, приводит слова Леонардо да Винчи: «Ничто не имеет середины, а его границы – это ничто. Среди великих вещей, которые можно найти среди нас, самыми великими являются бытие и ничто» (Дневники и заметки) [6, с. 111]. Как бытие не находится где-то вне человека, так и ничто не пребывает отдельно: «...если в нигилизме неким особым образом к господству приходит ничто, то человек не только затронут нигилизмом, но и существенно наделен им. ...Человеческое существо само принадлежит к существу нигилизма и тем самым к фазе его завершения. ... Человек не только стоит в критической зоне линии. Он сам есть ...эта зона и тем самым линия» [7, с. 101-102].

М. Хайдеггер уделял проблеме ничто большое внимание. В своих поздних работах он утверждал, что «ничто... есть завеса бытия» [8, с. 41]. Интерпретируя гегелевское положение «Чистое бытие и чистое ничто суть поэтому одно и то же», он отмечал, что бытие и ничто взаимопринадлежат друг другу. Ничто – это не пустота, а прерыв ранее непрерывного, и в этом смысле тяготение к ничто как к прерыву выступает существенным признаком нигилизма.

Истоки нигилизма можно интерпретировать с разных позиций. Одной из наиболее обсуждаемых является позиция Ницше, для которого

нигилизм выступает в качестве глубинной логики всей европейской истории, порожденной отсутствием жизненной силы у традиционных принципов разума, религии и морали. Ницше фиксирует парадоксальное превращение «жизни» в «антижизнь». М. Хайдеггер, напротив, рационализм и секуляризацию рассматривает как следствия, а не причины нигилизма.

Нельзя утверждать, что Ницше проводил анализ нигилизма лишь на основе идеи ценности, а М. Хайдеггер – на основе идеи ничто. И.А. Сапронов убедительно показывает, что Ницше был заморожен идеей Ничто, иначе «откуда еще такое безусловное принятие воли в качестве первоначальной субстанции всего сущего?» [9, с. 47]. Для М. Хайдеггера Ничто конститутивно: «Ничто коренится в самом бытии и никоим образом не в бытии человека, если последнее мыслится как субъективность, опирающаяся на *ego cogito*» [10, с. 218]. М. Хайдеггер подчеркивает, что ничто не исчерпывается «пустым отрицанием всего сущего... Ничто пребывает как бытие. Мы слишком поспешно отказываемся думать, когда в дешевом объяснительстве выдаем Ничто за голую ничтожность и равняем его с безбытийным. Вместо такой скороспелости пустого остроумия и отказа от загадочной многозначительности Ничто мы должны вооружить себя для единственной готовности – ощутить в Ничто вместительный простор того, что всему сущему дарится гарантия бытия. Это – само бытие» [11, с.38]. Присутствие человека в мире есть преодоление ничто и, одновременно, влечение к нему (как прерыву непрерывного). А если так, то проблема ценностей как регулятивов человеческого существования не уничтожается, а, напротив, утверждается.

«Переоценка ценностей» в условиях кризисного общества может явиться условием и первым этапом создания новой системы ценностей. Именно поэтому Ницше положительно оценивал нигилизм, рассматривая его в качестве условия построения новой системы ценностей.

Следует помнить, что ценности нельзя «придумать»: они возникают как такие значимые образования, которые «ответственны» за сохранение ядра культуры и воссоздание социальности. Под социальностью мы понимаем ту сумму связей или систем отношений, которые возникают из совместной жизни людей, которые воспроизводятся и трансформируются в результате их деятельности. Социальность – это взаимообусловленность жизни людей жизнью друг друга, процессами и результатами

совместной и индивидуальной деятельности. Не менее важно для нашего анализа нигилизма и указание Ж. Бодрийяра на «смутность» понятия «социальное». Социальность имеет место там, где есть смысл. Поэтому там, где общество перерождается в конгломерат масс, нет социального: массы нацелены на осуществление контрстратегии «по поглощению и уничтожению культуры, знания, власти, социального» [12, с. 15]. В массовом обществе «эволюция социального сменилась инволюцией в поле инертности» [13, с. 30].

Общепринятые ценности не отвергаются лишь из «спортивного интереса»: к ним рождается недоверие в том случае, когда они перестают отвечать реалиям жизни, изменяющейся под влиянием самых разнообразных факторов – от атеизма до экономического прагматизма и сиюминутной выгоды.

Общей чертой нигилистических форм сознания, на которую также обратил внимание еще А.И. Новиков, является «их транзитивность», т.е. переходной характер... ». А.И. Новиков справедливо подмечает, что всплески нигилистического сознания обнаруживают себя в условиях крутой ломки общественных устоев: «от феодализма к капитализму (нигилизм Писарева), от капитализма к социализму (анархо-индивидуалистический нигилизм), от домонополистического капитализма к империализму (ницшеанство)» [14, с. 18].

Действительно, нигилизм как отрицание предполагает выход за пределы существующего, он есть симптом кризиса культурной эпохи или социального периода, предвосхищающий еще неявный, но уже существующий в латентном виде закат (именно так трактовал нигилизм О. Шпенглер: как черту современной ему эпохи европейской истории, переживающей период «заката» и «старческих форм сознания»). Нигилизм для О. Шпенглера – предвестник гибели культуры, симптом перехода ее в бездушную цивилизацию).

Данное обстоятельство позволяет исследовать нигилизм с помощью понятия трансгрессии. Постмодернисты понимают трансгрессию как экзистенциально определенную интенцию сознания, отражающую стремление к преодолению «границ» и «пределов». Известный французский писатель, эссеист и философ М. Бланшо в типично постмодернистском духе считает, что индивид все время нарушает границы, «пределы», стараясь погрузиться в трансцендентный и потусторонний мир. Стремление

найти Бога, Вечность и Благо является ничем иным, как попыткой ухода от стихии обыденной жизни, попыткой взорвать границы привычного существования, изобретая разнообразные культурные практики, обеспечивающие жизнь в «межграницье», практики, стирающие межкультурные границы и благодаря этому, по замыслу, обретающие опыт приобщения к трансцендентному. Конечно, применительно к нигилизму следует делать поправку: ведь он не стремится к трансцендентному, однако именно он постоянно «соскальзывает» в «межграницье», отказываясь от наличной действительности, отрицая и отвергая ее.

Особый интерес к понятию трансгрессии, разработке его историко-культурных и культур-антропологических оснований проявил французский философ Ж. Батай (оказавший, по их собственному признанию, большое влияние на М. Фуко и Ж. Деррида). Для постмодернизма с его нигилистической установкой на отрицание «старого» и культивирование «нового» сама возможность разрушения границ культуры имеет принципиальное значение. Отсюда постмодернистский нигилизм трансгрессивного характера получает обоснование и в философии, и в литературе, и в экономической мысли, и в теологии и т.д. Особенно интересует Ж. Батая вопрос о трансгрессивных практиках, которые дают возможность разрушить «оковы» старой культуры. Главной мишенью для него является система запретов, складывающаяся в любой исторически устойчивой социокультурной системе. В ее преодолении особую роль играет практика экзистенциального мышления. «Абсолютная негативность», по Батаю, содержит в себе такие общие как для экзистенциализма, так и для постмодернизма концепты, характеризующие различные проявления бытия человека, как безумие, смерть, чувство экстаза, оргазм и т.п. На это же обращал внимание и М. Бланшо, в связи с чем Ж. Батай весьма высоко оценивает разработку последним трансгрессивной методики преодоления «пределов»: «Если кому-то будет угодно определить место Бланшо среди писателей подобного плана, то можно, наверное, назвать имена Кьеркегора, Ницше или Кафки. Но придется добавить, что это напрасный труд – пытаться определить место Бланшо, как и каждого из названных выше писателей» [15].

Нигилизм не следует во всех случаях понимать как тотальное отрицание: нигилизм проявляет себя в разных формах, часть которых отрицают не культуру как таковую, а лишь конкретные формы ее функциониро-

вания. Так, нигилизм в его демократических формах отрицает «статусное присвоение культуры», т.е. приобщение к предметам культуры как к знакам, символизирующим социальный статус, место в социальной иерархии того или иного индивида или социальной группы.

Исследуя сущность нигилизма, М.М. Тоторкулова справедливо отмечает, что сущность нигилизма как социокультурного явления связана с порождающими его причинами: кризисом культуры и самосознания европейского общества. Но не только мировоззренческие установки, а и объективные социально-культурные условия способствовали появлению нигилизма: смена непосредственно-личных связей традиционного общества сменяется обезличенными и формализованными зависимостями. Изменение типа социальных взаимосвязей ведет к становлению автономного, самостоятельного индивида, свободного в своей самореализации [16]. Эту же мысль проводит и Б. Хюбнер: «С подрывов авторитета БОГА все легитимированные Богом дескриптивные и прескриптивные высказывания о мире и роли человека в нем стали доступными рациональным сомнениям, были поставлены под вопрос. После того как вечное небесное счастье, которое придавало СМЫСЛ земной жизни и страданию, было упразднено, оказалось, что было бы разумным ввиду жизненной необходимости устранить ставшее отныне бес-СМЫСЛЕННЫМ и безутешным страдание, которое больше не вело ни к чему БЛАГОМУ. ... В основе изменения парадигмы от ГЕТЕРОНОМИИ к автономии, от СМЫСЛА, заданного извне, к самостоятельно установленному смыслу, от пассивной надежды ожидания к активной надежде действия лежало, как отмечалось, прежде всего, изменение в мышлении» [17, с. 14-15].

Констатация обозначенного изменения в мышлении и вскрытие причин возникновения нигилистического мировоззрения есть необходимый этап исследования, однако на этом останавливаться нельзя, так как описание социокультурного явления не тождественно выявлению социокультурной сущности этого явления. Другими словами, мы ставим вопрос о специфике культурологического исследования нигилизма, отличающегося от философского, социологического, психологического и других подходов. Так, например, социологический анализ нигилизма будет осуществляться в направлении определения тех социальных позиций и способов поведения субъектов, которые обеспечивают адаптацию к изменяющимся социальным условиям современного общества. Дейс-

твительно, существование индивидов и различных социальных групп в транзитивном социуме с постоянно меняющимися условиями жизни протекает в нескольких пространствах: в пространстве материально-вещественном, в пространстве социальных позиций и в пространстве духовном, в котором сосредоточены ценностно-нормативные системы. Пересечение этих пространств реализуется на уровне поведения, апробирующего (а также воспроизводящего или отвергающего) определенные формы, образцы, навыки, адекватные сложившимся или складывающимся социальным обстоятельствам. Выработка новых образцов поведения происходит на основе выработки и усвоения новых ценностных приоритетов и общей системы мироотношения, складыванию которых предшествует отрицание предыдущих приоритетов и систем. Таким образом, социологический подход к анализу нигилизма обращается и к практике, и к духовным регулятивам этого мироощущения, выявляет типологию нигилизма, анализирует причины нигилизма, связанные с усилением процессов релятивизации ценностей, детерминированного девальвацией прежних норм социального поведения – как пережитков (норм действительно устаревших), так и жизненно необходимых, что разрушает культурное ядро цивилизации. В чем же состоит подход культурологический?

Решение этого вопроса предполагает выявление специфики культурологии как науки. Нам близка позиция Х.Г. Тхагапсоева, согласно которому предельно широкое понимание культуры как «совокупности всех надбиологических форм жизнедеятельности человека и их результатов» [18] ведет к неопределенности, расплывчатости онтологических границ предмета культурологи [19]. Х.Г. Тхагапсоев положительно оценивает концепцию А. Кармина, в которой культура рассматривается как аспект общества, а именно как информационно-семиотическая сторона социальной системы [20]. Именно на основе этой концепции конструируется продуктивная методологическая идея – идея «культурной формы» как некоторой модели, посредством которой культура абстрагируется в некую субстантивную сущность. «Таким образом, культурная форма в интерпретации А. Кармина являет собой некую конфигурацию, паттерн, смысловой комплекс в трехмерном пространстве – «знания», «ценности» и «регулятивы» [21, с. 8]. И тогда факты нигилистического отрицания (духовного и предметно-практического) предстанут в их всеобщности

как выражения преодоления пределов, обозначенных в виде ценностей, норм, социальных институтов. Именно такое преодоление пределов с необходимостью возникает в переходные эпохи, характеризующиеся рассогласованием прежних систем регуляции поведения индивидов, что порождает неустойчивость социальных норм (по выражению Э. Дюркгейма, порождает аномию).

Вышеприведенное определение культурной формы отличается от предложенного А.Я. Флиером определения культурной формы: «Культурная форма – совокупность наблюдаемых признаков и черт всякого культурного объекта (явления), отражающих его утилитарные и символические функции, на основании которых производится его идентификация и атрибуция» [22, с. 499]. И далее он отмечает, что культурная форма выступает исходным образцом для последующего прямого или вариативного репродуцирования. Именно в этом понимании – в качестве образца, модели, понимаемой как «сгусток соотношений всех видов» [23, с. 352], конструкции, механизма, обеспечивающего переход от одного социокультурного состояния к другому через отрицание, мы рассматриваем нигилизм как культурную форму.

Конечно, сложилась устойчивая традиция понимания нигилизма как внешнего, деструктивного отрицания, направленного на полное уничтожение какого-либо явления; оно противопоставляется диалектическому отрицанию, которое способно удерживать положительное содержание отрицаемого. Но сложность современной культуры такова, что однозначных критериев отделения отжившего от перспективного нет. Поэтому мы солидарны с Ф. Ницше и Т. Адорно, утверждавших амбивалентность нигилизма, наличие у него не только разрушительного, но и конструктивного потенциала.

Негативизм облекается сегодня в самые разные формы. И когда мы констатируем отрицание смысла как мировоззренческую установку, это не всегда означает отрицание смысла как такового, а отрицание конкретного смысла.

При определении того, что представляет собой переходное (транзитивное) общество, тоже необходимо проводить различие между разными подходами – культурологическим, социологическим, политологическим. Применительно к современному российскому обществу его транзитивный характер часто обозначают как переход от социализма к

капитализму; от традиционного, феодального, сословного общества к классовому; от тоталитаризма к демократии; от плановой, административно-командной экономической системы к современной, либерально-рыночной. В социологической парадигме под социальным переходом подразумевается радикальная системная и структурная трансформация общества, ведущая к замене одного типа социального порядка другим на основе формирования новой нормативно-ценностной системы (т.е. комплекса, состоящего из интересов, ценностей, целей и средств их достижения). Формирование новой нормативно-ценностной системы – процесс болезненный, его первым условием выступает отказ от предыдущей системы (или ее отдельных элементов). «Застревание», «зависание» на этой стадии, прохождение ее насильственным путем – вот что заставляет оценивать нигилизм отрицательно, но это не исключает того, что нигилизм как первый момент, обеспечивающий процесс переоценки, перекомпонования слагаемых ценностно-нормативного ядра культуры, во всех случаях надо оценивать отрицательно. Тем более, что нигилизм бывает разных видов [24], в том числе относительный (когда сомнению и критике подвергаются лишь некоторые культурные ценности, тогда как другие признаются) и абсолютный (выражающийся в радикальном отрицании моральных норм, ценностей религии, традиций, авторитетов, устоявшихся парадигм). Абсолютный нигилизм – это тот самый «идеальный тип», который в реальности не встречается, который существует как движение в направлении к пределу.

Мы пришли к выводу, что нигилизм как социокультурное явление следует отличать от социокультурной сущности нигилизма. Как социокультурное явление нигилизм представляет собой определенный тип мировоззрения, состоящий в отрицании ценностей культуры, религиозных и нравственных норм, социальных институтов, причем это отрицание может быть направлено как на отжившие, так и вполне жизнеспособные нормы и ценности. Социокультурная же сущность нигилизма состоит в том, что он есть механизм выхода за пределы, обозначенные ценностями, нормами, социальными институтами. Именно такое преодоление пределов с необходимостью возникает в переходные эпохи, характеризующиеся рассогласованием прежних систем регуляции поведения индивидов, что порождает неустойчивость социальных норм. Отсюда и проистекает амбивалентность нигилизма.

Нигилизм в разные культурные эпохи проявляет себя по-разному: от отрицания отдельных элементов культуры до отрицания всей социокультурной системы.

Многоликость, амбивалентность, противоречивость нигилизма, различие в социальных последствиях нигилистических ориентаций позволяют выделить разные модусы нигилизма. Под модусом нигилизма мы подразумеваем его свойство «поражать», быть направленным на разные объекты, а также меру, образ и способ отрицания, различное сочетание которых приводит к разным последствиям. Так, если нигилистическое отрицание направлено на ценности, репрезентирующие культуру на определенном этапе ее развития, возникает темпоральный модус нигилизма; если оно направлено на игнорирование, недооценку, умаление экономической сферы жизни общества, отрицание легитимности экономических механизмов и институтов, возникает экономический нигилизм; если отрицаются нормы права, возникает правовой нигилизм.

Модусы нигилизма близки, но не совпадают с типологией нигилизма, в основе которой лежит объект отрицания. Соответственно тому, ценности какой из сфер жизни подвергаются отрицанию (морали, искусства, религии, права и др.), выделяется нравственный, эстетический, религиозный, правовой и другие типы нигилизма. Однако культура – явление многомерное, она не сводится к сферам общественной жизни, поэтому важно, наряду с выделенными типологиями, исследовать и модусы нигилизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хайдеггер М. «Время и бытие: Статьи и выступления». Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. С.67.

2. Хайдеггер М. «Время и бытие: Статьи и выступления». – М.: Республика, 1993. С.114.

3. Юнгер Э. «Через линию». «Судьба нигилизма». Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер. Дитмар Кампер. Гюнтер Фигаль «Пер. с нем, предисл. И комментарии Г.Хайдаровой». – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2006. С.16-17.

4. См. прежде всего книгу Новиков А.И. «Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики». – Л.: Лениздат, 1972., в которой проводится первое в отечественной гуманитаристике систематическое исследование нигилизма, а также монографию Пигалева А. И. «Философский нигилизм и кризис культуры». Монография. – Саратов, 1991.

5. Хайдеггер М. «О «Линии». «Судьба нигилизма». Эрнст Юнгер, Мартин Хайдеггер, Дитмар Кампер, Гюнтер Фигаль /Пер. с нем, предисл. и комментарии Г.Хайдаровой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2006. С.67.
6. Цит. по: Хайдеггер М. О «Линии». С.111.
7. Хайдеггер М. Цит. Соч. С.101-102.
8. Хайдеггер М. Послесловие к «Что такое метафизика?», «Время и бытие». М., 1993. С.41.
9. Сапронов, П.А. «Путь в ничто. Очерки русского нигилизма» П.А.Сапронов. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2010. - С.47.
10. Хайдеггер, М. «Письмо о гуманизме». М. Хайдеггер «Время и бытие: Статьи и выступления». - М.: Республика, 1993. - С.218.
11. Хайдеггер, М. Предисловие к: «Что такое метафизика?» / М. Хайдеггер «Время и бытие». - М.: Республика,, 1993. - С.38.
12. Бодрийяр, Ж. «В тени молчаливого большинства, или конец социального» Ж.Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2000. – С.15.
13. Бодрийяр, Ж. «В тени молчаливого большинства, или конец социального» Ж.Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2000. – С.30.
14. Новиков А.И. «Нигилизм и нигилисты». С.18.
15. Ж.Батай. Морис Бланшо «Новое литературное обозрение». 2003.№ 61.
16. См.: Тоторкулова М.М. «Нигилизм в культуре современного российского общества». дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Ставрополь, 2002.
17. Хюбнер Б. «Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов». – Мн.: Экономпресс, 2006.- С.14-15.
18. См.: Каган М.С. «Философия культуры». – СПб.: Петрополис, 1996.
19. См.: Тхагапсоев Х.Г. «К проблеме предметного пространства и научного статуса культурологи». «Фундаментальные проблемы культурологи» В 4 т. Т.I: Теория культуры. – СПб.: Алетейя, 2008.
20. См.: Кармин А.С. «Культурология». СПб., 2001.
21. Тхагапсоев Х.Г. Цит. Соч. С.8.
22. Флиер А.Я. «Форма культурная». «Культурология. XX век. Словарь». – СПб.: Университетская книга, 1997. С.499.
23. Луков В.А., Луков Вл.А. «Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания». – М.: Изд-во Нац. Ин-та бизнеса, 2008. С.352.
24. Типологию нигилизма по разным основаниям (объекту и субъекту отрицания, степени проявления, характеру отрицания) всесторонне исследовала М.М. Тоторкулова (см.: Тоторкулова М.М. «Нигилизм в культуре современного российского общества» дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. – Ставрополь, 2002).

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.013

БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК КОМПЕТЕНТНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТА

Р.Ш. Ахмадиева,

LIFE SAFETY AS A COMPETENCE OF SPECIALIST

Ahmadiyeva R.Sh.

В данной статье рассматривается понятие “профессиональная компетентность”, которая включает в себя не только представления о квалификации, но также освоение социально-коммуникативных и индивидуальных способностей, обеспечивающих самостоятельность и безопасность профессиональной деятельности. Раскрыта сущность безопасности как структурообразующего компонента профессиональной деятельности. Определены сущность, структура и содержание безопасности жизнедеятельности специалистов на основе компетентного подхода. Определено место компетентности специалистов в области безопасности жизнедеятельности в содержании профессиональных компетенций.

This article examines “professional competence” concept, which includes not only knowledge of the qualifications, but also developing of social-communicative and individual capabilities, providing independence and safety of professional activity. The essence of safety is exposed as a fundamental component of professional activity. Essence, structure and maintenance of life safety of a specialist are determined on the basis of competent approach. The place of specialists’ competence in the field of life safety is determined in the context of professional jurisdictions.

Ключевые слова:

безопасность жизнедеятельности, компетентность специалиста, профессиональная компетентность, профессиональная деятельность, компетентный подход, компетенция, профессионализация, профессиональная готовность.

Keywords:

life safety, competence of specialist, professional competence, professional activity, competent approach, jurisdiction, professionalizing, professional readiness.

Одним из показателей уровня квалификации, профессиональной компетентности современного специалиста в настоящее время является безопасность жизнедеятельности. Особенный смысл это приобретает в профессиональной педагогике, в системе и процессе подготовки кадров.

Организация общественного производства, ускоряющееся совершенствование техники и технологий ставят перед специалистами необходимость постоянно обращать внимание на безопасность в профессиональной деятельности в течение всего периода трудовой деятельности, а также при прохождении различных курсов повышения квалификации или переподготовки. Совершенствование специалистом своей безопасности жизнедеятельности становится пожизненным процессом, способствуя его профессиональной эффективности и мобильности, постоянному личностному развитию.

Особенно важно направлять внимание на безопасность жизнедеятельности специалиста в следующих условиях: децентрализации управления, обусловленной рыночными отношениями; появления новых требований к специалистам (экономическое мышление, предприимчивость и деловитость, компетентность, гибкость мышления и др.); обновления технической базы производства; перехода к рыночной экономике; непрерывного образования и обращения к личности как к активному субъекту образовательного процесса; развития новых типов учебных заведений, многоуровневой подготовки рабочих и специалистов.

Современный профессионально компетентный специалист должен обладать рядом качеств: как профессиональных, так и надпрофессиональных, к которым относится и безопасность жизнедеятельности. Образование становится пожизненным процессом, обеспечивающим профессиональную эффективность, компетентность, безопасность и постоянное личностное развитие специалиста.

В настоящее время понятие “профессиональная компетентность” включает в себя не только представления о квалификации, но также освоение социально-коммуникативных и индивидуальных способностей, обеспечивающих самостоятельность и безопасность профессиональной деятельности.

Современные структурные составляющие профессиональной компетентности претерпели некоторые изменения. “Компетенция”

означает интегративную способность человека выполнять социальные и профессиональные функции на уровне, обеспечивающем его максимальную самореализацию и саморазвитие, сочетая профессиональные и надпрофессиональные качества, в т.ч. безопасность жизнедеятельности [1, с. 466] .

Разработанная учеными модель профессионально компетентного специалиста состоит из двух блоков – профессиональный и надпрофессиональный. Например, профессиональный блок модели компетентного педагога, должен содержать знания обо всех компонентах процесса образования (целях, содержании, средствах, объекте, результате и т.д.), о себе как субъекте профессиональной деятельности. Он также должен включать опыт применения приемов профессиональной деятельности и творческий компонент.

В педагогической науке понятие «профессиональная компетентность» рассматривается как совокупность знаний и умений, определяющих результативность труда; объем навыков выполнения задачи; комбинация личностных качеств и свойств; комплекс знаний и профессионально значимых личностных качеств; направление профессионализации; теоретическая и практическая готовность к труду, способность к сложным культуросообразным видам действий; основанный на знаниях, интеллектуально и личностно обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности.

К надпрофессиональным (ключевым) компетенциям относятся универсальные знания, умения и навыки, качества и способности выпускника, обеспечивающие его конкурентоспособность и социальную адаптацию в условиях рынка труда.

Состав ключевых компетенций, предлагаемый разными авторами, отличается, иногда весьма заметно. Так, А.М. Новиков к базисным квалификациям относит владение «сквозными» умениями – работа на компьютерах, пользование базами и банками данных, знание и понимание экологии, экономики и бизнеса, финансовые знания, коммерческая смекалка, умение трансфера технологий (переноса технологий из одних областей в другие), навыки маркетинга и сбыта, правовые знания, знание патентно-лицензионной сферы, умение защиты интеллектуальной собственности, знание нормативных условий функционирования предприятий различных форм собственности, умение презентации технологий

и продукции, знание иностранных языков, санитарно-медицинские знания, знание принципов «обеспечения безопасности жизнедеятельности», знание принципов существования в условиях конкуренции и возможной безработицы, психологическая готовность к смене профессии и сферы деятельности и т.д. [Новиков А.М., 1997] Новиков А.М. «Профессиональное образование в России». – М., 1997].

В.И. Байденко и Б. Оскарссон используют понятие «базовые навыки» как «личностные и межличностные качества, способности, навыки и знания, которые выражены в различных формах в многообразных ситуациях работы и социальной жизни. Для индивида в условиях развитой рыночной экономики существует прямое соответствие между уровнями, имею. В перечень базовых навыков в соответствии с определением авторы включают коммуникативные навыки и способности, творчество, способность к креативному мышлению, приспособляемость, способность работать в команде, способность работать самостоятельно, самосознание и самооценка [Байденко В.И., Оскарссон Б. «Базовые навыки (ключевые компетенции) как интегрирующий фактор образовательного процесса», «Профессиональное образование и формирование личности специалиста». – М., 2002. С. 22-46.]

Признавая, что безопасность жизнедеятельности зависит от всех обозначенных профессиональных и надпрофессиональных компетенций, ее можно выделить как отдельную составную часть такой модели.

В обстановке перехода на рыночные условия хозяйствования и связанных с этим повышенных требований к конкурентоспособности экономики необходима высокая профессиональная компетентность рабочих и специалистов, которые должны уметь быстро приспособиться к постоянно меняющимся условиям труда.

Более конкретно представить себе роль и место безопасности в профессиональной компетентности позволяют цели профессионального образования:

начального – формирование профессиональной компетенции, знаний и навыков профессионального выполнения трудовых операций с конкретными объектами и продуктами в предписанной материальной (материализованной) деятельности [3; 4; с. 34-40];

среднего – достижение уровней развития индивида и формирования его личности, мировоззрения, профессиональных качеств, обеспечи-

вающих активную социальную позицию, успешную интеллектуальную профессиональную деятельность.

Анализ современного состояния проблем формирования профессиональной компетентности специалистов (включая безопасность жизнедеятельности) в системе начального профессионального и среднего профессионального образования предполагает рассмотрение всех основных компонентов методической системы: целей, принципов, содержания, методов, форм и дидактических средств обучения.

Изучение общетехнической подготовки с точки зрения компетентностного подхода и безопасности жизнедеятельности показывает, что содержание и структура учебных программ не претерпели существенных изменений в течение последних лет. Возникла необходимость новой стратегии, новой концепции общетехнического образования, обеспечивающего подготовку профессионально компетентного и безопасного типа жизнедеятельности специалиста.

Начальная и средняя профессиональная школы переживают кризис в смысле необходимости совершенствования содержания и методов подготовки специалистов для разных отраслей народного хозяйства. В рамках решения этой проблемы в настоящее время идет создание новых, более совершенных образовательных стандартов и парадигм. Одной из составляющих их является безопасность жизнедеятельности как профессиональная компетентность будущих специалистов. Предусматривается необходимость введения инноваций в процесс подготовки профессионально компетентных специалистов.

В словарях “компетенция” (от латинского *competo* – соответствую, подхожу) определяется как: а) круг полномочий, предоставленный законом, уставом или иным актом конкретному органу или должностному лицу; б) знания и опыт в той или иной области. Специалисты русского языка трактуют слово “компетентно” как “со знанием дела”. “Компетентность” означает свойство по значению прилагательного “компетентный” (компетентность суждения, суда и др.). “Компетентный” трактуется применительно к человеку, обладающему полномочиями, знаниями, опытом, основанными на способности, осведомленности, авторитете для решения профессиональных задач.

Возросший интерес к проблеме безопасности жизнедеятельности как профессиональной компетентности является одной из важнейших

примет нашего времени. Недостаточная компетентность часто оборачивается значительными материальными и людскими потерями, экологическим и экономическим ущербом. Из года в год увеличивается число дорожно-транспортных происшествий, взрывов и пожаров в складах, шахтах, ветхих домах, а также число массовых отравлений и эпидемий. Одна из основных причин чрезвычайных происшествий – некомпетентность работников соответствующих служб.

Применительно к педагогическому труду ученые Л.В. Занина и Н.П. Меньшикова дают следующую трактовку понятия “профессиональная компетентность”:

“Профессиональная компетентность – совокупность индивидуальных свойств личности, состоящих в специфической чувствительности к объекту, средствам, условиям педагогического труда и созданию моделей формирования искомых качеств личности учащегося». Это приводит к мысли о том, что безопасной должна быть не только деятельность, процесс труда, но и их результаты – и это предстает как новое требование к профессиональной компетенции».

В.Ш. Масленникова рассматривает профессиональную компетентность как профессиональную готовность будущего специалиста, представляющую собой систему многоуровневых интегральных личностных образований, а также психологические черты и свойства специалиста, реализующиеся в деятельности.

В.А. Слостенин считает, что профессиональная компетенция – это единство теоретической и практической готовности и способности личности осуществлять профессиональную деятельность.

Б.С. Гершунский связывает профессиональную компетентность с формированием профессионально значимых личностных качеств, позволяющих человеку наиболее полно реализовать себя в конкретных видах трудовой деятельности.

Л.Н. Захарова под профессиональной компетентностью понимает способность личности эффективно решать практические задачи, и происходит это за счет ориентированности человека в природе, обществе, духовном опыте людей, самом себе, а также на основе формирования практических умений, социально желаемых, или, по крайней мере, приемлемых для самореализации субъекта деятельности [4; с. 300-989].

Таким образом, безопасность жизнедеятельности специалиста обра-

щает на себя внимание с позиции компетентности в смысле готовности, способности к деятельности, а также личностных качеств, позволяющих решать задачи деятельности наиболее продуктивно и безопасно.

Под безопасностью жизнедеятельности как компетентности специалиста понимается устойчивая способность к деятельности со знанием дела, что складывается из 5 основных компонентов: понимание существа выполняемых задач и разрешаемых проблем; знание опыта в данной области, активное овладение его лучшими достижениями; умение выбирать средства и способы действия, адекватные конкретным обстоятельствам места и времени; чувство ответственности за результаты деятельности; способность учиться на ошибках и вносить коррективы в процессе достижения целей.

Безопасность жизнедеятельности как компетентность в системе уровней профессионального мастерства занимает промежуточное звено между исполнительностью и совершенством, требующим самостоятельности и творчества. Это постоянное обновление знания, владение новой информацией и успешное применение знаний в конкретных условиях, т.е. обладание оперативным и мобильным знанием, потенциальная готовность решать задачи со знанием дела [2, с. 316].

БЖД как компетентность включает в себя как содержательный (знание), так и процессуальный (умение) компоненты. Она отличается способностью среди множества решений выбрать наиболее оптимальное, аргументированно опровергать ложные решения, подвергать сомнению эффективные, но не эффективные решения.

БЖД как компетентность специалиста следует понимать как интегральную характеристику личности, включающую в себя профессиональные и социально-коммуникативные компетенции и компетенцию самоуправления. Основа их приобретения – опыт деятельности обучающихся.

Безопасность жизнедеятельности как компетентность подразумевает также целый ряд компонентов, имеющих внепрофессиональный или надпрофессиональный характер и необходимых в той или иной мере каждому специалисту. Это такие качества личности, как самостоятельность, способность принимать ответственные (за себя и других) решения, творческий подход к делу, умение доводить его до конца, умение постоянно учиться. Это – гибкость мышления, наличие абстрактного,

системного и экспериментального мышления, готовность к диалогу и коммуникабельность, сотрудничество и т.д. Над собственно профессионально-технологической подготовкой вырастает огромная внепрофессиональная надстройка требований к БЖД как компетентности (или: компетенции) специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадиева Р.Ш., Бикчантаева С.А., Валиев М.Х., Воронина Е.Е. и др. «Обучение младших школьников правилам безопасного поведения на дороге». Сост.: Р.Ш. Ахмадиева, С.А. Бикчантаева, М.Х. Валиев, Е.Е. Воронина и др. / Под общей ред. Р.Н. Минниханова, Д.М. Мустафина. – Казань; ГУ «НЦ БЖД», 2010. – 466 с.

2. Воробьев Ю.Л., Пучков В.А., Дурнев Р.А. «Основы формирования культуры безопасности жизнедеятельности населения». Ю.Л. Воробьев, В.А. Пучков, Р.А. Дурнев / Под общей ред. Ю.Л. Воробьева. – М.: Деловой экспресс, 2006. – 316 с.

3. Девисиллов В.А. «Концепция национальной образовательной политики в области безопасности (проект)». – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. – 32 с.

«Государственные и образовательные стандарты в системе общего образования. Теория и практика». Под ред. В.С. Леднева, Н.Д. Никандрова, М.В. Рыжакова. – М., 2002. – 63 с.

4. «Современные проблемы безопасности жизнедеятельности: опыт, проблемы, поиски решения». «Материалы Международной научно-практической конференции. Часть I». Под общей ред. д-ра техн. наук, проф. Р.Н. Минниханова. – Казань: ГУ «Научный центр безопасности жизнедеятельности детей», 2010. – 1031 с.

УДК 37.013

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ: СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Туркина Т.С.

PROFESSIONAL OUTLOOK: THE ESSENTIAL CHARACTERISTICS

Turkina T.S.

В статье теоретически обосновано значение профессионального мировоззрения как системы профессиональных идеалов, интеллектуального и ценностно-эмоционального отношения к профессиональной деятельности в процессе профессионального становления индивида; определены принципы (креативность, акмеологичность, событийность, субъектная интеграция, асептивность, компаративизм) и выявлены педагогические условия (готовность преподавателей к формированию у студентов профессионального мировоззрения; интеграция общего и профессионального знаний; проектно-целевая форма профессиональной подготовки) формирования профессионального мировоззрения студентов ССУЗ.

The article justifies theoretically the value of professional philosophy as a system of professional ideals, intellectual and value-emotional attitude towards professional work in the process of individual's professional formation; it also defines the principles (creativity, acmeologicity, event, subject integration, acceptiveness, comparativism), and pedagogical conditions (the willingness of teachers to the formation of students professional outlook, integration of general and professional knowledge; of design and target form of training) of the formation of professional secondary schools' students' professional outlook.

Ключевые слова:

профессиональное мировоззрение, система профессиональных идеалов, интеллектуальное отношение к профессиональной деятельности, ценностно-эмоциональное отношение к профессиональной деятельности, процесс профессионального становления индивида, педагогические условия, готовность преподавателей, интеграция общего и профессионального знания, проектно-целевая форма, профессиональная подготовка, креативность, акмеологичность, событийность, субъектная интеграция, асептивность, компаративизм, студенты ССУЗ.

Keywords:

professional outlook, the system of professional ideals, intellectual attitude to the profession, values and emotional attitude to the profession, the process of becoming a professional individual, pedagogical conditions, readiness of teachers, the integration of general and professional knowledge, design and shape of the target, training, creativity, акмеологичность, event, subject integration, acceptivity, comparativity, professional secondary schools students.

Модернизация профессионального образования происходит под определяющим воздействием институциональных и структурных изменений рынка труда. Рыночные преобразования изменили не только спрос на рабочую силу, но и востребовали новые качества человеческого капитала. Ведущей стратегией модернизации профессионального образования стала ориентация потенциала и ресурсов профессиональной школы на формирование будущего специалиста как личности, способной к самоопределению, самообразованию, самоактуализации и обладающей ценностно-смысловыми, общекультурными, социально-профессиональными компетенциями, как ее интегральными характеристиками. Совокупность этих компетенций обуславливает формирование и развитие профессионального мировоззрения как системы профессиональных идеалов, интеллектуального и ценностно-эмоционального отношения индивида к профессиональной деятельности, готовности к обучению через всю жизнь, способности к самоорганизации и конкурентоспособности на рынке труда.

Осознание выпускником профессиональной школы принадлежности к определенной профессиональной общности, умение создавать программы профессиональной деятельности – один из субъективных факторов развития современной экономики. Основной производительной силой общества становится человеческий потенциал, что обязывает систему профессионального образования решать качественно новые задачи. Образ человека, успешного в динамично меняющемся мире, предполагает не только креативность, информационную культуру, но и выраженную индивидуальность, субъектную позицию в профессиональной деятельности. Это и востребовало новый взгляд на формирование профессионального мировоззрения на основе компетентностного подхода.

Компетентностный подход рассматривается нами как современный

коррелят дифференцированного, акмеологического, функционально-коммуникативного, контекстного подходов, специфицированных подготовкой будущего специалиста в условиях интеграции образования, науки и производства и обуславливающий формирование у него готовности к эффективному выполнению профессиональных задач.

В образовательной практике реализация компетентностного подхода может быть на основе следующих принципов:

- принцип персонификации, который состоит в определении траектории образовательного роста каждого студента; интегрированном и целенаправленном воздействии на развитие свойств субъектности;

- принцип модульно-компетентностной ориентации учебно-воспитательного процесса, обеспечивающий в пределах образовательного модуля комплексное освоение знаний, умений и навыков в рамках формирования конкретной компетенции для выполнения трудовой функции, отражающей требования рынка труда;

- принцип психологической комфортности, предполагающий снятие стрессообразующих факторов учебного процесса, создание на занятиях доброжелательной атмосферы, ориентированной на реализацию идей педагогики сотрудничества.

Мировоззрение представляет собой систему взглядов, идеалов, принципов познания и деятельности, определяющую интеллектуальное и ценностно-эмоциональное отношение человека к окружающей действительности, механизму самореализации и формирующая его личностные структуры [1, с. 137].

Мировоззрение - это не только содержание, но и способ освоения окружающего мира, относительно автономная и устойчивая система внутренних детерминант жизнедеятельности человека.

Мировоззрение возникает как сложный результат практического взаимодействия человека с окружающей действительностью – природой и обществом и предстает в виде целостной, многоуровневой, сложно организованной системы социальных установок, обладающей фундаментальными для жизнедеятельности личности функциями. В системе мировоззрения диалектично взаимосвязаны мысли и чувства, побуждение и действие, сознательное и бессознательное, объективное и субъективное. Идеи и идеалы лишь интегрируют мировоззрение, придают ему осознанный характер. Вследствие этого мировоззрение можно

рассматривать как активно формирующуюся субъективную реальность [2, с. 127].

Профессиональное мировоззрение – совокупность специальных знаний, ценностных ориентаций, принципов, оценок и убеждений, влияющая на профессиональное становление индивида, формирование готовности к обучению через всю жизнь, способности к самоорганизации и конкурентоспособности на рынке труда.

В структуре профессионального мировоззрения можно выделить гносеологический (познавательный); аксиологический (ценностный), конгруэнтный (принципы, убеждения, направленность), праксиологический (практический) компоненты. Наличие этих компонентов обусловлено субъект-объектными характеристиками профессиональной деятельности. Объективность профессиональной деятельности основывается на нормосообразности, социально-экономической активности индивидов и относительной автономности, устойчивости системы их внутренних детерминат. Субъективная составляющая профессиональной деятельности – интеграция содержательных элементов (мысли, чувства, побуждение, действие, сознательное и бессознательное) профессионального мировоззрения специалистов, обладающая фундаментальными функциями (отношение к труду, профессии, корпоративной культуре, профессиональной этике; освоение профессиональных знаний и умений; формирование готовности к обучению всю жизнь и пр.). На этапе профессионального образования происходит развитие деятельности от учебно-познавательной к учебно-профессиональной и от нее – к реальной профессиональной. Эффективность этого процесса диалектично взаимосвязана с формированием у студенческой молодежи профессионального мировоззрения. Современный учебно-образовательный процесс в профессиональной школе должен протекать в форме сотворческого поиска преподавателем и студентом решения не отдельных задач, а экзистенциальных (вечных, общечеловеческих и мировых) проблем. Результатом этого процесса оказывается смыслотворчество, как формирование ценностно-мировоззренческих установок. Реализацию их на практике можно определить как жизнетворчество, которое выполняет интегративно-преобразующую роль в развитии человека.

Генезис профессионального мировоззрения обусловлен возрастными особенностями личности, спецификой профессиональной деятельности,

социально-экономическими характеристиками развития общества и содержит несколько уровней [3, с. 440].

На первом (адаптационном) уровне профессионального мировоззрения, на основе обобщения первичного профессионального опыта, у индивида формируется схема профессиональной деятельности. Основные элементы этого уровня – способности, умения, навыки и пр.

На втором (эксплицитном) уровне сложившаяся ранее мировоззренческая ориентация систематизируется, оценивается и корректируется. Элементами этого уровня, прежде всего, выступают потребности, мотивы, идеалы, принципы, убеждения.

На завершающем (продуктивном) уровне создаются программы профессиональной деятельности, на основе которых индивидом осознается принадлежность к определенной профессиональной общности, формируются профессиональные компетенции.

В современных условиях формирование у студенческой молодежи профессионального мировоззрения может опираться на совокупность следующих принципов:

1. Принцип креативности, то есть развитие интегративных качеств личности, влияющих на ее профессиональное становление, творческий характер деятельности, способность к созданию программ профессиональной деятельности.

2. Принцип акмеологичности, который состоит в определении траектории образовательного роста каждого студента; интегрированном и целенаправленном воздействии на развитие свойств субъектности и профессионализма, формирование готовности обучаться всю жизнь; внедрении технологий опережающего обучения.

3. Принцип событийности, подразумевающий включение субъектов учебно-образовательного процесса в совокупность событий, служащих предметом оценки, поводом к раздумью, основанием для жизненных выводов, влияющих на их профессиональное становление и самосовершенствование.

4. Принцип субъектной интеграции, то есть участие студентов как субъектов учебно-образовательного процесса в целеполагании, планировании, организации, корректировке собственного образования; выполнение социальных (профессиональных) ролей под руководством преподавателя.

5. Принцип асептивности, включающий сравнительно-исторический метод изучения педагогических процессов и внедрение передового педагогического опыта как ведущей стратегии взаимодействия с зарубежными системами профессионального образования.

6. Принцип компаративизма, опосредующий мониторинг формирования у студенческой молодежи профессионального мировоззрения и предполагающий выявление уровня формирования профессионального мировоззрения для постановки и решения задач, адекватных ближайшим перспективам развития.

Педагогические условия формирования профессионального мировоззрения студентов включают готовность преподавателей к формированию у студентов профессионального мировоззрения, интеграцию общего и профессионального знаний, проектно-целевую форму профессиональной подготовки.

Готовность преподавателей к формированию у студентов профессионального мировоззрения – одна из составляющих их профессионально-культурной компетентности. Под профессионально-культурной компетентностью преподавателя мы понимаем интегративное качество личности, влияющее на ее готовность обучаться всю жизнь, способность к активному применению теоретических знаний в профессиональной деятельности, нравственную и коммуникативно-творческую направленность, профессиональное самоопределение, соответствие требованиям специальности и стандартам квалификации и обеспечивающее устойчивые положительные результаты в обучении, воспитании, развитии обучаемых. Культура для личности педагога – это не просто интеллектуальное украшение, а качество, определяющее его ценностные ориентации, установки имеющие огромную силу воздействия на личность обучаемого. Основные характеристики профессионально-культурной компетентности – это опыт профессиональной деятельности, креативность, когнитивность, коммуникативность, интеллигентность.

Опыт профессиональной деятельности преподаватель приобретает в процессе организации учебно-образовательного процесса, составления собственной образовательной программы и представляет собой присвоенную, отрефлексированную индивидом в ходе профессиональной деятельности систему социально-значимых и личностно-значимых компетенций.

Креативность – это способность к поиску принципиально новых подходов к решению известных задач.

Когнитивность – профессиональная мобильность, умение адаптироваться в меняющихся жизненных и педагогических ситуациях, культура системного мышления.

Коммуникативность – устойчивое, осознанное и позитивное отношение к своей профессии; готовность к работе в профессиональной и социальной среде, культура организационного поведения.

Показатели интеллигентности: духовно-нравственная, профессионально-трудовая, гражданская культура личности, обеспечивающая, как высокий уровень профессионального мировоззрения, так и готовность к его формированию у обучаемых.

Готовность – это активно-действенное состояние личности, установка на уважение и понимание студентов, построение живого знания в процессе совместной творческой деятельности, направленной на смысл и жизнетворчество, мобилизованность сил для выполнения задачи. Для готовности к действиям нужны знания, умения, навыки, настроенность и решимость совершить эти действия. Готовность к определенному виду деятельности предполагает определенные мотивы и способности. Психологическими предпосылками возникновения готовности к выполнению конкретной задачи являются ее понимание, осознание ответственности, желание добиться успеха, определение последовательности и способов работы. Затрудняют появление готовности пассивное отношение к задаче, беспечность, безразличие, отсутствие плана действий и намерения максимально использовать свой опыт. Недостаточность готовности приводит к неадекватным реакциям, ошибкам, к несоответствию функционирования психических процессов тем требованиям, которые предъявляются ситуацией.

Следующее педагогическое условие – интеграция общего и профессионального знаний. Интеграция общего и профессионального знаний, обуславливает устойчивость мотивации студентов на формирование профессионального мировоззрения, совокупности специальных знаний, ценностных ориентаций, принципов, оценок и убеждений, влияющей на профессиональное становление индивида, формирование готовности к обучению через всю жизнь, способности к самоорганизации и конкурентоспособности на рынке труда. Как цель обучения знания

выполняют следующие функции: онтологическая (представления о действительности); ориентировочная (знания – ориентир выбора деятельности); оценочная (знания, как база отношения к действительности). Характеристиками качества знаний могут быть: системность, непрерывность, обобщенность, оперативность, непрерывность, гибкость, интегративность.

Единство общего и профессионального знания представляет энциклопедическую совокупность знаний, помогающую решению дидактических задач, стоящих перед профессиональной подготовкой. Эти задачи состоят в описании объектов профессионального знания, отбор которых осуществляется на основании общих целей подготовки высококвалифицированного специалиста; знания основ и тенденций развития соответствующей отрасли, принципов профессиональной педагогики, выводов частных методик преподавания.

В системе профессиональной подготовки интеграция общего и профессионального знаний может быть на разных уровнях, которые обеспечивают ее системную целостность, динамичность, вариативные формы социального партнерства. Например, это интеграция содержания подготовки; проблемно-тематическая и целевая интеграция дисциплин; субъектная интеграция; интеграция форм и методов обучения, теории и практики; интеграция образования с наукой и производством; интеграция дидактических концепций, интеграция учреждений профобразования. Подготовка современного специалиста в условиях интеграции общего и профессионального знаний – это процесс профессионального становления личности обучаемого, обусловленный высоким уровнем профессионализма научно-педагогических кадров, инновационными технологиями обучения и воспитания, собственной учебной и научно-исследовательской активностью, и направленный на формирование готовности к обучению через всю жизнь, способности к самоорганизации и конкурентоспособности на рынке труда.

В совокупность педагогических условий формирования профессионального мировоззрения студентов вузов на основе компетентного подхода входит и проектно-целевая форма профессиональной подготовки, которая предполагает включение студентов в разработку и реализацию научно-образовательных и научно-производственных проектов, что обеспечивает становление личности студента, формиро-

вание профессионального мировоззрения, развитие профессиональной компетенции. Сущность проектно-целевой формы профессиональной подготовки состоит в том, что цели, содержание, технологии, управление профессиональным образованием рассматриваются как инновационно-целевая деятельность на интегративной основе.

Реализация проектно-целевой формы подготовки в образовательной практике может быть на основе следующих принципов:

- партисипативности, который предполагает развитие вариативных форм совместной творческой деятельности всех субъектов профессионального образования (социального партнерства, корпоративных институтов, образовательных кластеров, форсайт-проектов);

- педагогической интеграции, обуславливающим системную целостность всех компонентов учебно-образовательного процесса (целевого, мотивационного, содержательного, процессуально-деятельностного, контрольно-оценочного).

Реализация проектно-целевой формы подготовки на основе вышеизложенных принципов обуславливает, во-первых, устойчивость мотивации студентов на профессиональное самоопределение как процесс осознанного и обоснованного выбора вида профессиональной деятельности, требующего специальной подготовки и направленного на самореализацию личности, формирование профессионального мировоззрения; во-вторых, создание условий для самопознания, саморазвития и самореализации студентов в системе «открытого диалога» и профессионально-значимой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Мировоззрение и проблемы его формирования в процессе преподавания социально-гуманитарных, естественно-научных и специальных дисциплин» / сост. Белозеров М.Н. – М., МГУ, 1995. – 137с.

2. «Мировоззрение. Духовность. Ценности». / А.П. Горячев: Сб. науч.ст. / Науч. Ред. А.П. Горячев – Волгоград: ПраймПресс, 2000. – 127с.

3. «Энциклопедия профессионального образования: В 3-х т.». / Под ред. С.Я. Батышева. М.: Наука, 1999.-440с.

ПРАВО

УДК 34

ОСОБЕННОСТИ БЮРОКРАТИИ И БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В ЭПОХУ РАННЕГО АБСОЛЮТИЗМА

Плехова Ольга Анатольевна
Адвокат Ворошиловского филиала
Ростовской Областной Коллегии Адвокатов

BUREACRUCY AND CORRUPTION PECULIARITIES IN THE EARLY ABSOLUTISM EPOCH

Plekhova Olga Anatolievna

Статья посвящена времени правления Петра I. Именно в это время начинает формироваться управленческий класс – бюрократии в современном его понимании. Или, используя терминологию М.Вебера – рациональной бюрократии. Кроме того, это время ознаменовалось осознанием государственной властью коррупции как угрозы государству. И началом комплексной борьбы с ней.

The article is devoted to the period of Peter's the Great reign. During the period management class – bureaucracy in it's modern treat – begins to set up. Or, in terms of M. Veber's terminology – rational bureaucracy. Besides, this period is characterized by the fact that the state understood the fact that corruption is a threat for the statehood and by the beginning of its struggle.

Ключевые слова:

ранний абсолютизм; коррупция; бюрократия; системный политический кризис.

Keywords:

early absolutism, corruption, systematic political crisis.

Особенности Бюрократии и борьбы с коррупцией в эпоху раннего абсолютизма.

В исторической и юридической литературе время правления Петра I рассматривается как время формирования бюрократии как управляю-

щего класса и оценка коррупции как угрозы государству. Таким образом, время правления Петра является началом формирования современной бюрократии и началом комплексной борьбы с коррупцией. Сложившаяся внешне внутри политическая обстановка того времени привела Россию к кризисной ситуации которая и подтолкнула государственную власть к началу проведения государственных реформ. Представляется интересным анализ комплексного подхода Петра к формированию управленческого класса – бюрократии и комплексного подхода к борьбе с коррупцией.

Конец XVII в – начало XVIII вв. ознаменовалось для России временем тяжелого экономического и политического кризиса. И было это связано как с внутренними проблемами переживаемыми государством, так и внешне политическими.

С одной стороны в этот период происходит резкое повышение производственных сил: развитие ремесел, зарождение и развитие мануфактурного производства, развитие сельского хозяйства и как следствие необходимость создания единого государственного рынка.

С другой – в этот период происходит объединение России и Украины (1653 г.), освоение Сибири. При этом постоянная борьба с внешними врагами и непрекращающиеся восстания горожан и крестьян. Кроме того Россия того времени характеризовалась и общей экономической отсталостью от западных стран, которая принимала угрожающий для России характер, слабым международным положением России, испытывающей сильное давление более сильных соседей в лице Швеции, Польши, Турции.

В таких условиях существующая система государственного управления страной не была способна к эффективному управлению. Все эти обстоятельства требовали немедленного принятия решений со стороны государственной власти. И сосредоточения всей полноты власти в руках монарха. Таким образом, это время можно обозначить термином «системный политический кризис», которое определяется как процесс перехода от одной устойчивой политической системе к другой устойчивой политической системе через период политической нестабильности, следующей между разрушением старой системы и консолидацией новой [1].

Со времени прихода на престол Петра Алексеевича Романова (1689-

1725 гг.) в России начинается время серьезных политических и экономических преобразований. И хотя отдельные черты нарождающегося абсолютизма присуще еще времени правления Алексея Михайловича, полномасштабный переход от сословно – представительной монархии к абсолютной, происходит во время правления Петра I. Такой переход повлек за собой изменение всего государственного аппарата управления, как в центре, так и на местах. Петр подверг переделки весь аппарат государственного управления.

Свои преобразования Петр начинает с преобразования высших органов государственного управления к концу XVII в. Боярская Дума постепенно теряет свое политическое положение и прекращает свое существование (1708 г.).

Постепенно высшим органом центрального управления становится Сенат [1]. Ему начинает подчиняться весь чиновничий аппарат. Для ведения собственной канцелярии Петр I создает своеобразную личную канцелярию – Кабинет.

Для отраслевого управления страной Петр создает коллегии. Всего было создано 11 – коллегий (1717-1720 гг.): Военная, Административная, Иностранная, Берг – коллегия, Мануфактур – коллегия, Коммерц – коллегия, Камер – коллегия, Штац – коллегия, Вотчинная коллегия, Ревизион – коллегия, Юстиц – коллегия. Все коллегии подчинялись Сенату. Решения в них принимались большинством голосов. В 1721 году была учреждена Духовная коллегия, которая впоследствии была преобразована в Священный правительственный Синод.

Таким образом, каждая коллегия становится во главе управления основными направлениями жизнедеятельности государства. Коллегии непосредственно осуществляли центральную государственную власть. Им подчинялись органы государственной власти в губерниях.

Существовали в то время и так называемые «верховные господа», так их именовал царский указ. К ним относились самые близкие соратники Петра I: А.Д. Меньшиков, Ф.М. Апраксин, Б.П. Шереметьев, канцлер Г.И. Головин. Они не относились к членам Сената. С ними император обсуждал наиболее важные вопросы.

Для ведения дел о крупных политических преступлениях в 1718 г. была создана Канцелярия тайных розыскных дел. В 1721г. для управления делами мануфактур и ремесел был создан Главный магистрат.

Что касается органов местного самоуправления, то в 1699 году Петром I были изданы указы «Об учреждении бурмистерской палаты» и «Об учреждении в городах земских изб». В соответствии с данными указами для управления городами, наряду с воеводами, создавались выборные учреждения. Все органы местного самоуправления подчинялись коллегиям и Сенату.

Таким образом, Петром был создан стройный иерархический аппарат управления, который имел строго определенную подчиненность и надо отметить, что все органы государственного управления находились под строгим надзором императора.

С 1715 года для надзора за деятельностью Сената учреждается должность генерал – ревизора или надзирателя указов, затем – обер – секретаря и штаб – офицеров. В 1722 году царь возложил эти функции на генерал – прокурора и обер – прокурора. При Сенате существовали и другие должностные лица: генерал – рекетмейстер и герольд – мастер. С их помощью Сенат, а значит, и монарх надзирали за элитными слоями в обществе, за их службой в аппарате государства.

После проведения серьезных преобразований в государственном аппарате Петр I законодательно закрепил все основы государственной службы в государстве.

Прежде всего, Петр I дал законодательное закрепление своей абсолютной власти, в «Артикуле Воинском 1716 г» в частности указано: «Его величество есть самовластительный монарх, который никому на свете в своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет, свои государства и земли, яко христианнейший государь по своей воле и благомнению управляет»¹ [2, с. 25].

После этого под руководством Петра I были приняты такие законы как: «Генеральный регламент» или «Устав государственных коллегий» (от 28 февраля 1720 г.) – закрепляющий порядок деятельности коллегий и их состав, указ «О деятельности генерал – губернатора» (1722); лично Петром I был написан «Морской устав» (1720 г.).

Путем создания в 1722 года Петр I «Табеля о рангах», Петр закладывает основу государственной службы. В «Табеле о рангах» устанавливалась иерархическая лестница служилых чинов. Табель предусматривал 14 классов и рангов, самым высшим считался чин 1 класса, а самым низшим чин 14

¹ Воинские артикулы Петра I. М., 1950 С.25

класса. Кроме того, для занятия того или иного ранга учитывались прежде всего личные качества претендента, а не его происхождение. В зависимости от занимаемого класса распределялись и дворянские привилегии. Так чиновник, занимающий чин 8 класса имел право на получение потомственного дворянства, а чиновники, занимающие чины 14-9 класса получали лишь личное дворянство. Табель о рангах уравнила военную службу с гражданской службой, закрепив одинаковые принципы продвижения по службе.

Для нового бюрократического аппарата необходимы были хорошо обученные кадры. Поэтому их обучали в специальных учебных заведениях России и за рубежом. Для обучения в школы и академии направлялись дети не только дворян, но и помещиков и нарождающейся буржуазии.

Таким образом, благодаря реформам Петра в России начинает формироваться слой людей состоящих на государственной службе – управленцев. При этом они не зависят от своего происхождения, имеют равные права при прохождении службы. Имеют специальное образование. И как следствие – полностью преданы своему императору, они полностью зависят от него. С этого времени начинается формирование – бюрократии как управляющего слоя общества, или используя терминологию М. Вебера – рациональная бюрократия.

Итогом реформирования Петра стало создание стройной системы государственных учреждений. В неё входили Сенат, Синод, Кабинет и коллегии – в центре, а на местах – губернаторы, воеводы, коменданты со своими канцеляриями и многочисленными чиновниками¹. Кроме того, в созданных органах государственную службу проходили лица, профессионально занимающиеся государственным управлением.

Однако данная структура обладала серьезными недостатками. Как отмечал В.О. Ключевский «в недостатке подготовки, в привычке вести дела кое-как, в отсутствии служебной дисциплины Сенат показал пример подчиненному управлению. По сенатскому расписанию губерний 1719 года официальные бумаги пересылались из Петербурга в Вологду через Архангельск!»² [3, с. 136].

В научной литературе выделяется ряд особенностей российского абсолютизма. Так Н.П. Ерошкин в качестве недостатка отмечает, что созданная Петром I: «Абсолютная монархия представляла собой

¹ Воротников, А. А. Бюрократия в российском государстве :Историко-теоретический аспект : Дис.... док. юрид. наук. Саратов,2005. С. 136

² Мазулевская а.р.

«регулярное» полицейское государство. Полицейская регламентация пронизывала все стороны деятельности бюрократического аппарата. «Генеральный регламент» от 28 февраля 1720 года установил порядок деятельности и делопроизводства государственных учреждений России, свои регламенты имели все коллегии¹ [4, с. 78].

Другие особенности российского абсолютизма, повлиявших на весь исторический процесс формирования и дальнейшего развития российской государственности, выделяет в своей работе Ю.В. Захаров. Он отмечает такие особенности российского абсолютизма как: «Во-первых, у него была иная социальная опора (одно служилое дворянство, а не союз дворянства с городской буржуазией), что объясняется иными историческими условиями его формирования. В России XVII – 1-ой пол. XVIII в.в., буржуазия в силу ряда причин была крайне немногочисленной и не сформировалась в отдельный класс населения с четко очерченной социальной психологией, мировоззрением и т.д. Во-вторых, соотношение правовых и неправовых методов управления было явно смещено в сторону последних. Личный произвол, деспотизм монарха был в России более ярко выражен, чем в странах Запада. Во многом это объясняется общими особенностями российского исторического процесса (преобладание деспотических тенденций в период ига Золотой Орды; изменение в связи с этим ценностных ориентаций у основной массы населения, выразившееся в постепенном формировании подданнических отношений; установление крепостного права, приведшее к формированию рабской психологии у большинства населения; состояние постоянной внешней угрозы, серьезно повлиявшее на выбор методов управления и способствовавшее милитаризации всех сторон общественной жизни, превращению чрезвычайных методов военного времени в постоянные и т.д.)»² [5, с. 24]. По мнению автора: «Эти две основные особенности российского абсолютизма (опора только на одно дворянство и использование в основном деспотических методов управления) оказали существеннейшее влияние на дальнейший ход исторического процесса в России и предопределили иные результаты попыток реализации на российской

¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России М., 1968 С.78

² Захаров В. Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII – 1-ой четверти XIX вв. Автореф. док. истор. наук. Москва 2008. С.24

почве западноевропейских правовых, социальных и культурных норм и ценностей»¹ [6, с. 24].

Здесь надо отметить, что в проведении своих реформ Петр основывался на европейском опыте, в частности на опыте Швеции, Германии, Франции, Голландии.

В рассматриваемый нами период в литературе отмечается небывалый рост коррупции. По мнению А.Г. Кашкиной «Коррупция в России становится массовым, тотальным злом»² [7, с. 61]. Иностранцы, посетившие Россию в то время, высказывали: «На чиновников здесь смотрят как на хищных птиц. Они думают, что со вступлением их на должность им предоставлено право высасывать народ до костей»³ [8, с. 124] и на разрушении его благосостояния основывать их счастье»⁴ [9].

Такой рост коррупции, по нашему мнению, и как справедливо заметил в своей работе С.В. Алексеев, связано с тем, что: «Коррупция как социальное явление представляет собой не только особый вид криминальной деятельности, но и часть культуры населения, а также отражает состояние дисфункций социальной системы в целом и системы административного управления»⁵ [10, с. 25].

Таким образом, в рассматриваемый нами промежуток времени, во время полной перестройки всего государственного аппарата, коррупция (всякого вида взятки, казнокрадство, вымогательства со стороны чиновников) в государстве приобретает невиданные масштабы.

Однако в литературе дается и иное объяснение причин массового взяточничества. Таак А. Торопов считает, что коррупция «...была связана с тем, что в результате реформ Петра I сложился разветвленный бюрократический аппарат, т.е. управление страной через многочисленных чиновников, действующих по распоряжению высшего начальства, которые в большей степени заботились о собственных интересах, чем о благе государства»⁶ [11].

¹ Захаров В. Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII – 1-ой четверти XIX вв. Автореф. докт. истор. наук. Москва 2008. С.24

² Кашкина А.Г. «Развитие» коррупции в российском обществе// Проблемы коррупции: пути междисциплинарного исследования. Материалы V Международной научной конференции «Россия и Восток» г. Астрахань 4-6 сентября 2009г. С.61

³ Лагутин М.С. Там же С. 124

⁴ Малахов А. Табель о взятках.

⁵ Алексеев С. В. Коррупция в переходном обществе: социологический анализ. Автореф. докт. социол. наук. Новочеркасск 2008 с. 25

⁶ Торопов указ. соч.

Время царствования Петра ознаменовалось не только формированием нового государственного аппарата, но и началом государственной борьбы с коррупцией. Именно в это время дается оценка коррупции как явлению, которое является ужасным злом для государства.

Петр предпринял целый комплекс мер направленных на искоренение этого явления. Во-первых, была проведена Губернская реформа 1708г. Основным достижением этой реформы стала организация государственной службы за жалование. Во-вторых, Петром I был издан указ (декабрь 1714 г.) «О воспрещении взяток и посулов». В Указе взяточничество квалифицируется как преступление, подлежащее строжайшему наказанию¹ [12]. При этом разрешалось не возвращать «посулы» (данные добровольно), полученные виновными до издания указа. Кроме того, были учреждены специальные должности фискалов, основной деятельностью которых был надзор за законностью деятельности чиновников. Они, в отличие от других чиновников, были защищены законом от уголовной ответственности за доносы. Их деятельность стимулировалась и материально, в случае выявления преступления они получали четверть штрафных денег. Фискалы выявляли факты получения взяток и среди высших сановников государства.

Помимо фискалов, не зависимо от чина, царь разрешал доносить о фактах лихоимства высшим чиновничеством лично ему. При этом доносчик мог рассчитывать на денежное вознаграждение «богатство того преступника, движимое и недвижимое, отдано будет», а если доносчик достоин будет, то ему обязывалось присвоение чина выявленного преступника² [13]. Доносительство же о всеобщем лихоимстве принималось канцелярией Сената. Кроме фискалов, царской властью для борьбы с лихоимством были созданы майорские розыскные канцелярии. Они представляли собой нечто среднее между следственной комиссией и военным трибуналом. Приговоры, выносимые майорскими розыскными канцеляриями, утверждались императором.

Как отмечает в своей работе О.Б. Рослякова, «на протяжении XVIII в. расширятся и круг коррупционных правонарушений. К взяткам приравнялись и незаконные поборы с населения при сборе податей, принесение присяги, оформлении документов. Особое внимание уделялось казнокрадству, растрате казенных денег, что нашло отражение в Артикуле

¹ ПСЗРИ. Т. V. № 2871

² ПСЗРИ. Т. V. №2726

воинском 1715 г. Свообразным составом преступления против казны во время правления Петра I являлось расточительство»¹ [14, с. 131].

В дальнейшем Петр усиливает уголовную ответственность за совершение преступлений по службе. И в январе 1724 г. Петром была принята новая редакция главы 50 «Генерального регламента коллегий», устанавливавшей меры взыскания и поощрения за службу. При этом ответственность наступала независимо от того, совершенны они «оплош-кою» или «вымыслом». Закон устанавливал за их совершение ссылку на галеры и тяжкий штраф²[15, с. 513]. 5 февраля 1724 г. Петр I издал указ, в котором сравнивает эти преступления с «изменою во время битвы», так как они могут причинить государству не только «бедство, но и конечное падение». Поэтому за оконченное преступление в указе положена натуральная или политическая смерть (смотря по важности дела) и полная конфискация³ [16, с. 335].

Таким образом, Петр в борьбе с коррупционными преступлениями впервые предпринял комплексный подход который, по мнению Г.С. Гончаренко выразился в: «...единстве применения предупреждающих, а также карательных мер. В практической организации борьбы с коррупцией отчетливо проявляется субъективный фактор. Совмещение Петром I функций законодателя, аналитика и координатора право применения определяло системное, криминологически обусловленное осуществление борьбы с коррупцией»⁴ [17, с. 24].

Необходимо отметить, что хотя Петр I активно боролся и с различными коррупционным преступлениями, однако, как отмечал С.М. Соловьев, «... Петр I старался всеми возможными методами и средствами навести порядок в делах государственной службы, воздействуя на мздоимцев, лихоимцев и вымогателей, однако принимаемые меры положительного эффекта не дали»⁵ [18, с. 42].

«Многие из видных сподвижников Петра находились по обвинению

¹ Рослякова О.Б. Предпосылки формирования причин коррупции и борьбы с ней в России // Проблемы коррупции: пути междисциплинарного исследования. Материалы V Международной научной конференции «Россия и Восток» г. Астрахань 4-6 сентября 2009г. С. 131.

² Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М., 1945. С. 513.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 3-е, доп. Киев, 1900. С. 335.

⁴ Гончаренко Г.С. указ. соч. С. 24

⁵ Чистые руки. М., 1999. №2. С.42.

во взяточничестве под судом и были наказаны денежными взысканиями, а некоторые – казнены...; петербургский вице-губернатор Корсаков пытан и публично высечен кнутом; два сенатора подверглись публичному наказанию; вице канцлер барон П.П. Шафиров снят с плахи и отправлен в ссылку; один следователь по дела о казнокрадстве расстрелян»¹ [19]. Казненными были сибирский губернатор князь М. Гагарин, обер-фискал А. Нестеров и др.² [20, с. 62].

Однако Петр в своей борьбе с коррупционными преступлениями находился в затруднительном положении. Об этом свидетельствует такой имеющийся в литературе факт. Так В.О. Ключевский отмечал: «В Сенате шли ожесточенные раздоры и разыгрались непристойные сцены: обер-прокурор Скорняков-Писарев был в непримиримой вражде со своим принципалом генерал-прокурором Ягужинским, подканцлер барон Шафиров с канцлером графом Головкиным, родовитые сенаторы, природные князья Голицын и Долгорукий с неродовитым, но святейшим жалованным князем Меньшиковым, и все со всеми своими личными и партийными дрязгами обращались к царю. Сенаторские совещания порой превращались в брань; один другого называл вором. При таких правах Сенату трудно было стать строгим блюстителем правды. Петр терялся в догадках, как изловить казенные деньги, «которые по зарукавьям идут». Раз, слушая в Сенате доклады о хищениях, он вышел из себя и сгоряча тот час велел обнародовать именной указ, гласивший, что, если кто украдет у казны лишь столько, чтобы купить веревку, будет на ней повешен. Генерал-прокурор Ягужинский, око государево при Сенате, возразил Петру «Разве, Ваше величество, хотите остаться императором один, без подданных? Мы все воруюем, только один больше и приметнее, чем другой»³ [21, с.150]. И в это время Петр I не издал указ.

Не смотря на это «в июле 1713 г. Перт I предложил сенаторам в трехмесячный срок произвести расследование пяти – шести важных доносов фискалов. Мериу наказания он определил сам: виновников, «которые для своих польз интерес государственнй портят», велено казнить. Зная, однако, что сенаторы совсем не склонны проявлять рвение при разоблачении казнокрадов, царь их предупредил: «И ежеле инако в том поступите, и вам сие будет». Другим указом «всем чинам, которые у дел

¹ Торопов указ. соч.

² Кашкина А.Г. указ. соч. С. 62.

³ Ключевский О.В. М., 1989 ч.4 С. 150

приставлены, запрещалось брать взятки, выступать подрядчиками. «А кто дерзнет сие учинить», того ожидали телесные наказания, конфискация имущества и даже смертная казнь»¹ [22, с. 168].

Не смотря на отрицательное отношение Петра I к взяткам чиновников внутри страны, но ко взяткам по отношению к иностранным чиновникам он относился снисходительно. «Перт I поощрял подкуп иностранных чиновников как одно из средств обеспечения безопасности российского государства»² [23, с. 19].

Таким образом, Время правления Петра стало переломным этапом в формировании бюрократии как правящего класса и комплексной борьбы с коррупцией является время правления Петра I. Перт I создал стройную иерархию государственных органов, в которую входили как высшие государственные органы – Сенат, Синод, так и отраслевые – коллегии. Кроме того именно во время царствования Петра государственная власть начинает оценивать коррупцию как угрозу государству. Петр предпринимает комплексный подход в борьбе с коррупцией. Во-первых, он создает правовую основу государственной службы «Табель о рангах», во-вторых, была проведена Губернская реформа 1708г. Основным достижением которой реформы стала организация государственной службы за жалование. Петром I был издан указ (декабрь 1714г.) «О воспрещении взяток и посулов». В Указе отмечено, что взяточничество является преступлением, подлежащем строжайшему наказанию. При этом разрешалось не возвращать «посулы» (данные добровольно) полученные виновными до издания указа. В-третьих, были учреждены специальные должности фискалов, основной деятельностью которых был надзор за законностью деятельности чиновников. Необходимо отметить, что под надзором императора находился весь чиновничий аппарат.

Однако все попытки Петра I побороть коррупцию были напрасны, хотя и снизили ее масштабы.

¹ Воронников А.А. Бюрократия в Российском государстве: историко-теоретический аспект. Дис... док. юрид. наук. Саратов, 2005г. С. 168

² Гончаренко Г.С. Указ. соч. С. 19.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воинские артикулы Петра I. М., 1950 С.25
2. Воротников, А. А. Бюрократия в российском государстве :Историко-теоретический аспект : Дис.... док. юрид. наук. Саратов,2005. С. 136
3. Мазулевская а.р.
4. Ерощкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России М.,1968 С.78
5. Захаров В. Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII – 1-ой четверти XIX вв. Автореф. док. истор. наук. Москва 2008. С.24
6. Захаров В. Ю. Эволюция российского абсолютизма в контексте развития конституционных идей в России и Европе во 2-ой половине XVIII – 1-ой четверти XIX вв. Автореф. док. истор. наук. Москва 2008. С.24
7. Кашкина А.Г. «Развитие» коррупции в российском обществе// Проблемы коррупции: пути междисциплинарного исследования. Материалы V Международной научной конференции «Россия и Восток» г. Астрахань 4-6 сентября 2009г. С.61
8. Лагутин М.С. Там же С. 124
9. Малахов А. Табель о взятках.
10. Алексеев С. В. Коррупция в переходном обществе: социологический анализ. Автореф. докт. социол. наук. Новочеркасск 2008 с. 25
11. Торопов указ. соч.
12. ПСЗРИ. Т.V. № 2871
13. ПСЗРИ. Т. V. №2726
14. Рослякова О.Б. Предпосылки формирования причин коррупции и борьбы с ней в России // Проблемы коррупции: пути междисциплинарного исследования. Материалы V Международной научной конференции «Россия и Восток» г. Астрахань 4-6 сентября 2009г. С. 131.
15. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М., 1945. С. 513.
16. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 3-е, доп. Киев, 1900. С. 335.
17. Гончаренко Г.С. указ. соч. С. 24
18. Чистые руки. М., 1999. №2. С.42.
19. Торопов указ. соч.
20. Кашкина А.Г. указ. соч. С. 62.
21. Ключевский О.В. М., 1989 ч.4 С. 150
22. Воротников А.А. Бюрократия в Российском государстве: историко-теоретический аспект. Дис... док. юрид. наук. Саратов, 2005г. С. 168
23. Гончаренко Г.С. Указ. соч. С. 19.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81-25

ПОВТОРЫ В АНГЛИЙСКОЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ МОЛОДЕЖНЫХ ПЕРЕДАЧ РАЗГОВОРНОГО ЖАНРА)

Т.И. Громогласова

REDUPLICATION IN ENGLISH TELEVISION SPEECH (ON THE BASIS OF YOUTH TV PROGRAMS OF SPOKEN GENRE)

T.I. Gromoglasova

В статье представлены результаты исследования повторов в английской телевизионной молодежной речи, которая в своей современной тенденции проявляет все большее сходство с разговорной речью. В частности, особое внимание уделяется представленности различных видов повтора, его частотной принадлежности, протяженности и семантической нагруженности. В ходе исследования нами также были выделены причины возникновения повторов, которые позволили определить специфику его функционирования в английской телевизионной молодежной речи.

The article shows the results of reduplication research in English youth television speech, which tends to show more and more resemblance to everyday speech. The focus was made on peculiarities of reduplication appearance and its forms, such as parts of speech, length and semantic meaning. During the research the motives of reduplication appearance were also studied, which allowed us to define some specific features of reduplication functioning in English youth television speech.

Ключевые слова:

повтор, телевизионная речь, молодежная речь.

Keywords:

reduplication, television speech, youth speech.

В настоящее время телевидение является неотъемлемой частью жизни любого цивилизованного человека, оно меняется так же стреми-

тельно, как общество, стараясь удовлетворить интересы своего зрителя. Телевидение сегодня – это не только информация, но и развлечение, общение, шопинг и многое другое. Одной из современных тенденций развития мирового телевидения стали программы «разговорного» жанра: беседы, интервью, телемосты, ток-шоу. Популярность таких телепередач обусловлена своей приближенностью к естественному повседневному общению, зрителя привлекают актуальные темы, живой язык, непринужденное поведение участников программ в эфире.

Несмотря на то, что традиционно телевизионная речь считается устной публичной речью, в своей современной тенденции она все более стремится приблизиться к разговорной, о чем свидетельствует предпочтение спонтанной неподготовленной речи в эфире, использование просторечий и сленговых слов, терпимость к речевым ошибкам и т.д. [1, с. 520]. Такая свобода и непринужденность неподготовленной телевизионной речи приводят к появлению «побочных» эффектов, одним из которых являются повторы.

Нами было проведено исследование повторов в английской телевизионной молодежной речи с целью изучения их представленности, семантической нагруженности и причин появления в английской телеречи. В качестве материала для исследования использовались записи американских студенческих телепередач разговорного жанра: «Campus Talk», «Platforum» и «Students speak out» (мы полагаем, что именно молодежь наилучшим образом отражает все процессы, происходящие в языке). «Campus Talk» представляет собой популярную молодежную программу, на которой обсуждаются детали повседневной жизни студентов (подготовка к сессии, празднование различных событий, обучение за рубежом и т.д.). Телепередачу ведут два ведущих-студента, которые в непринужденной обстановке беседуют в студии с приглашенными гостями-студентами. Телепередача «Platforum» дает студентам возможность обсудить общественно-политические вопросы, такие как система здравоохранения США, политика ведущей партии и т.д. В дискуссии принимают участие четыре студента разных специальностей и ведущий программы. Серия программ «Students speak out» представляет собой видеointервью студентов различных вузов на общественно-значимые темы, например, запрет курения в студенческих городках, помощь первокурсникам в адаптации и т.д. Следует отметить, что для исследования

были отобраны фрагменты речи только носителей языка (речь международных студентов, для которых английский является иностранным языком, во внимание не принималась). Всего было выделено 346 случаев повтора. Повтором в данном исследовании мы считали фонеморфологические и лексические явления, проявляющиеся в удвоении звукового комплекса, морфемной части или всего слова.

Многочисленные работы лингвистов доказали, что явление повтора имеет место на всех уровнях иерархической языковой системы (И.М. Астафьева, У.У. Браво, Е.Н. Петрова и др.). Согласно аспектному принципу выделяют четыре основных вида повтора: звуковые, морфемные, лексические и синтаксические. В английской телевизионной молодежной речи повторы представлены следующим образом:

- звуковые – 33,3%,
- морфемные – 0%,
- лексические – 27,6%,
- синтаксические – 39,1%.

Исходя из полученных данных наиболее употребляемый вид повтора в английской молодежной телеречи – синтаксический, также довольно часто встречаются звуковые и лексические повторы. Интересно то, что не было обнаружено ни одного случая морфемного повтора. Вероятнее всего, это обусловлено тем, что телевизионная речь стилистически снижена, а морфемный повтор более характерен для художественного жанра (сказок, заговоров и т.д.).

Рассмотрим каждый из представленных видов повтора более подробно. Выделенные случаи звукового повтора можно условно разделить на три подвида:

Повтор гласной.

В большинстве своем повтор гласной представлен повтором гласных [a] и [e] во время паузы хезитации, например *So you think that aaaah campus should be smoke free?* или...*eeeeh/ that would cost five thousand dollars//*; или повтором гласной [a] в звукосочетании *aaaaam*, например *Sydney's really expensive/ to live in// aaaam.... and it's like/ it's hard to get a place there//*. Повторы такого рода возникают с целью заполнения паузы хезитации, когда говорящий подбирает наиболее подходящее словесное воплощение мысли.

Встречаются случаи повтора других гласных, но значительно реже.

Как правило, это повтор гласных [ɪ], [æ], [ý], [ʊ] в середине или в конце слова: And this is exactly why I think tha[æ- æ- æ]t eeeeh/ we can't afford to ha[æ- æ- æ]ve it// или Where are they gonna be able to[v- v- v]/ to do that//. Следует отметить, что такие повторы часто сопряжены с соседним повтором и стремятся занять собой паузу, возникшую в процессе коммуникации. Из приведенных выше примеров: ...tha[æ- æ- æ]t eeeeh... и to[v- v- v]/ to do that//.

Повтор согласного.

Повтор согласного значительно менее характерен для речи, чем повтор гласного, в связи тем, что гласные легче воспроизводить длительно и неоднократно, а согласные – нет. Однако, в исследуемых фрагментах телеречи были выявлены случаи повтора согласного [m] в звукосочетании ammm и emmm, что, на наш взгляд, объясняется, во-первых, артикуляционными возможностями данного звука (губной сонант), а во-вторых, устойчивостью звукосочетаний aaaam и eeeem в речи, которые в свою очередь послужили исходным сочетанием для появления звукосочетаний ammm и emmm. Повтор согласного [m] продемонстрирован в следующем примере: For me like being a school rep is....emmm partly...it's it's mainly a connection between the students and the staff//.

Повтор набора звуков.

Повтор набора звуков встречается гораздо реже, чем повтор гласного или согласного. Как правило, он имеет место в начальной позиции и возникает при речевом сбое (речевой сбой может быть вызван отвлекающим шумом, нарушением артикуляции, неожиданными действиями или мимикой собеседника и т.д.). Например, You know/ making them cover their own bud if they are not wil...willing to do that...

Лексические повторы оказались наименее употребляемым видом повтора исходя из аспектного принципа. Следует отметить, что чисто семантические повторы, не сопровождаемые повтором формы, нами в данном случае не учитывались, так как здесь мы сталкиваемся с проблемой синонимии, у которой другой статус в лингвистике. Лексические повторы можно продемонстрировать следующими примерами: I decided/ and after reading all that research/ that it's the morning/ first thing in the morning when you get up... или – I've heard it was fabulous// – Well, I wouldn't say it was that fabulous//.

В ходе исследования лексических повторов мы изучили их час-

теречную принадлежность и слоговую протяженность. В английской телевизионной молодежной речи повтор представлен следующими частями речи:

- существительное – 27,6%,
- местоимение – 15,0%,
- глагол – 12,3%,
- прилагательное – 10,2%,
- союз – 9,3%,
- наречие – 8,4%,
- частица – 8,1%,
- предлог – 6,6%,
- артикль – 2,5%.

Итак, наиболее часто употребляемые лексические повторы относятся к знаменательным частям речи – существительное, местоимение, глагол и прилагательное. Повтор служебных частей речи и наречий оказался нечастым и однообразным, так, во всех случаях повтора наречий дублируется либо *very*, либо *really*, союзов – *and* или *but*, артиклей – только *the*.

Исследование слоговой протяженности повтора показало, что большинство лексических повторов состоит из одного слога (68,1%), что на наш взгляд, объясняет само строение английского языка – для него характерны слова, состоящие из однослогового корня, к которому не прибавляются слоговые окончания ввиду того, что английский является аналитическим языком. Повторы протяженностью в два слога составили 15,3%, в три и четыре слога – соответственно 8,7% и 7,9%.

Синтаксический повтор, согласно результатам нашего исследования, является наиболее употребляемым видом повтора. Он представлен двумя подвидами повтора: полностью повторяющиеся синтаксические конструкции и частично повторяющиеся синтаксические конструкции (с заменой лексических единиц или изменением порядка слов). В первом случае сохраняется количество членов конструкции и их место, например, *They are lots of fun/ lots of fun//*. Во втором случае количество членов конструкции, их место или лексическое наполнение незначительно варьируются, например, *Now I'm not talking about premiums and I'm not talking about the doctors//*.

Обратимся к результатам исследования семантической нагруженности повтора в английской телевизионной речи. Из 346 выделенных

случаев повтора только 38,7% являются семантически нагруженными, т.е. несут в себе дополнительную смысловую нагрузку, например: ...where people just won't pay that much or they can't pay that much// (уточнение) или We don't have to clean// That is a big/ big plus// (очень большой). В большинстве случаев (61,3%) дополнительная семантика второго повторяющегося элемента выделена не была. Очевидно, это вызвано тем, что в процессе словесного воплощения мысли говорящий на телевидении ориентируется на некую языковую норму и старается соответствовать ей, что приводит к возникновению пауз хезитации, которые часто заполняются немотивированными повторами. Чаще всего это повтор служебных частей речи, звуков, либо типичных для английского языка синтаксических конструкций: The kind of nature of eeeeh... of capitalistic economy is that you know things balance us// или I think it's very good because it's/ it's very much the same as the rest of our economy is right now//.

Что касается причин появления повтора в английской телевизионной речи, то здесь нами выделен целый ряд обстоятельств: формирование словесного воплощения мысли (подбор слов) – 32,4%, эмоциональное воздействие – 19,2%, конкретизация (уточнение) – 16,2%, речевой сбой (отвлекающие шумы, артикуляционные трудности) – 13,5%, вспоминание (событий, названий, имен и т.д.) – 7,2%, самокоррекция (в том числе изменение грамматической формы) – 4,5%, подтверждение – 3,9%, противопоставление – 3,1%. Возникновение повторов при формировании словесного воплощения мысли, речевом сбое и самокоррекции сопряжено с излишней сосредоточенностью и самоконтролем во время записи передачи, что представляет собой особенность именно телевизионной речи, так как процент появления повтора по данным причинам в разговорной речи значительно ниже [2, с. 32-35]. Отдельной группой среди причин возникновения повтора можно выделить черновиковость речи – телевизионная речь американских студентов насыщена повторами слов и фраз типа I mean, you know и другие.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что повтор широко представлен в английской телевизионной молодежной речи, в большинстве своем его появление немотивированно, так как повторяющийся элемент не несет в себе дополнительной семантической нагрузки. Что касается мотивированных повторов, то они возникают, как правило, при эмоциональном усилении или конкретизации. Типичными для ан-

глийской телеречи являются звуковые, лексические и синтаксические повторы. Отсутствие морфемных повторов обусловлено сниженным стилем телевизионной речи. Влияние структуры английского языка на представленность повтора проявляется в популярности однословных повторов, чаще всего у существительных и местоимений.

Перспективным представляется дальнейшее сравнение повторов в английской молодежной телевизионной и бытовой речи. Полагается, что чем тождественнее проявление повтора в этих видах речи, тем ближе телевизионная речь к разговорной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаптева, О.А. «Живая русская речь с телеэкрана»: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте» [Текст] / О.А. Лаптева, изд. 6-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 520 с.

2. Горшунова, Т.И. «Причины и формы проявления повтора в речи носителей русского языка» [Текст] / Т.И. Горшунова «Мир науки, культуры и образования» Под ред. А.В. Петрова. – Горно-Алтайск, 2009. – №5. – С. 32-35.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 004

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

А.Л. Болховской

VIRTUAL REALITY AS ONE OF THE COMPONENTS OF CULTURE OF AN INFORMATION SOCIETY

A.L. Bolkhovskoy

Виртуальная реальность (ВР) стала феноменом современного развития общества. В настоящее время разработка и практическое применение ВР систем идет параллельно философско-методологическому осмыслению вопросов виртуалистики. В статье рассматриваются философские воззрения происхождения и современного содержания понятия ВР, путей развития человеческой цивилизации и культуры в результате интеграции последних с виртуальными технологиями.

The virtual reality (VR) has become a phenomenon of modern society development. At present working out and practical application of VR systems go to in parallel with the philosophical-methodological judgement of problems of virtualistics. The article concerns with the philosophical views of the historical origin and the modern maintenance of VR concept, ways of development of a human civilization and culture as a result of integration of the last with virtual technologies.

Ключевые слова:

виртуальная реальность, культура, антикультура, артефакт, актуальное, потенциальное, киберкультура, Интернет, VRML (Virtual Reality Modeling Language), интерактивный.

Keywords:

a virtual reality, culture, anti culture, an artefact, actual, potential, cyber culture, the Internet, VRML (Virtual Reality Modeling Language), interactive.

В философской литературе отмечено; что распространение понятия виртуальности в самых разных областях науки, искусства и практики

позволяют говорить о новой парадигме, выражаемой в понятиях самоорганизации, кооперативных эффектов, формообразующих случайностей и некоторых других [13]. Что же подразумевается под понятием ВР? Корни этого понятия, по мнению ученых, уходят в античную культуру. Специальный анализ античного и средневекового употребления термина *virtus* в этом значении осуществил Н.А. Носов, опираясь на тексты Цицерона, Фомы Аквинского, Николая Кузанского и трактовок их современными авторами А.Ф. Лосевым, А.В. Ахтуниным. Римляне термином *virtus* прежде всего обозначали силу, мужество, воинскую доблесть. “Добродетель для римлянина – мужество, то, что прилично мужу (*virtus*)” [5]. Крупнейший схоласт средневековья Фома Аквинский с помощью понятия «виртуальность» характеризовал сосуществование души мыслящей, души животной и души растительной: “... в человеке не присутствует никакой иной субстанционной формы помимо одной только субстанционной души, и ... последняя, коль скоро она виртуально содержит и душу чувственную, и душу вегетативную, равным образом содержит в себе формы низшего порядка и исполняет самостоятельно одна все те же функции, которые в иных видах исполняются менее совершенными формами. Подобным же образом должно сказать о чувственной душе в животных, о вегетативной душе в растениях и, вообще обо всех более совершенных формах в их отношении к формам менее совершенным” [1]. Схоластический философ Сигер Брабанский тоже использовал термин *virtus*, размышляя о разуме и мышлении: “... разум, от которого исходит мышление, есть высшая способность (*virtus*) человека” [1].

В этом смысле термин “виртуальный” использовал крупнейший советский психолог А.Н. Леонтьев: “Виртуально мозг заключает в себе не те или иные специфические человеческие способности, а лишь способность к формированию этих способностей” [4].

В настоящее время, как считает Н.А. Носов, ВР должна пониматься достаточно широко: “ВР – на наш взгляд есть особая философская категория наряду с такими как время, пространство, сущность и т.д.,... позволяющая в едином плане рассматривать реалии, относящиеся обычно к разным типам знания: естественнонаучному, гуманитарному или техническому” [8].

Однако ряд ученых поднимают проблему уточнения специфики понятия ВР. Так П.Е. Солопов считает, что: “... в литературе, даже в научной,

не говоря уже о публицистической и популярной, очень часто термин ВР используется произвольно, необоснованно, ради привлечения внимания, в результате чего размывается содержание и неоднократно расширяется объем, обозначаемого им понятия” [10]. Таким образом, П.Е. Солопов предлагает уточнить собственное значение данного понятия. Но это приводит к слишком узкому ограничению спектра рассматриваемых с помощью этого понятия научных областей, например, у А.И. Воронова. Высказываясь от лица членов общества виртуальной реальности (г. Санкт-Петербург), основателем которого был Е.А. Шаповалов, он заявляет, что феномен ВР объясняется сугубо техническим вопросом: “виртуальная реальность понимается как кибернетическое пространство, созданное на базе компьютера, в котором техническими средствами предпринята изоляция от внешнего мира, т.е. перекрыты все каналы тактильной, слуховой, зрительной или любой иной связи с окружающим миром... Явление виртуальной реальности есть факт, обладающий безусловной техничностью. А все интерпретации артефакта виртуальной реальности, как явления психологического или мистического характера, даваемые некоторыми современными исследователями, проистекает из тех самых мифологических пространств, с которыми коррелируют их исследовательские методики. По этой причине мы не беремся считать виртуальной реальностью ни искусство, ни театр, ни литературу, ибо сколь бы глубоко ни погружался в них человек, у него всегда остаются свободными каналы связи с внешним миром. Особенность виртуальной реальности в том и состоит, что ее реальность основана главным образом на разрыве всех возможных каналов связи с внешним миром, кроме самого технического устройства виртуальной реальности” [3].

Существует и несколько другая позиция ряда исследователей. Например, М.Ю. Опенков указывает: “В значительной части публикаций по данной теме и стереотипах массовой культуры ВР ассоциируется с развитием компьютерных технологий и так называемой “киберкультуры”... мы твердо убеждены, что ... компьютерная реализация ВР – лишь вырожденный случай более глубокого феномена. Идея виртуальности ведет к пересмотру понятий реальности и существования других онтологических категорий” [9]. Действительно, отождествлять понятие ВР только с компьютерной техникой, имея при этом глубокий опыт исследования виртуального в философии, культурологии, психологии, а также

начавшиеся исследования в физике, педагогике и других областях, было бы не совсем правильным. Следует, наверное, подходить к этому понятию более абстрактно, хотя с имеющейся долей научной разработанности. А.И. Воронов обосновывает отказ от всех категорий виртуального, кроме как технической, следующим образом: “Виртуальность – как категория более всего подходящая под аристотелевскую категорию потенциального, уже у Цицерона, Фомы Аквинского, Николая Кузанского имеет энергийный смысл, который и выводит силу и благодатную чистоту *virtus* из божественных энергий. Реальность же готова заявить о себе аристотелевской категорией актуального, проявляет себя в многочисленном спектре мнений современных ученых” [3]. Далее следует вопрос: “Как слить воедино актуальное и потенциальное Аристотеля? Как собрать ВР, но более того, верно ее интерпретировать?” [3]. Выход автор видит только в следующем обосновании: “ВР – есть артефакт современной культуры, которая одна лишь и могла породить и соединить достаточно противоречивые смылосодержащие понятия “виртуальности” и “реальности”.” [3]. Поэтому автор и призывает рассматривать соединение этих двух понятий там, где они естественно проявили себя, в компьютерных технологиях и нигде иначе.

Принимая во внимание все мнения по рассматриваемому вопросу, остановимся на мнении, что понятие ВР невозможно сжать рамками только технической специфики по причине широкого использования в других научных областях. Техническая сторона ВР является наиболее развивающейся, но не в состоянии полноценно отразить весь спектр этого сложного и многогранного явления.

Обсуждая вопросы содержания понятия ВР, мы пришли к утверждению, что к настоящему времени данное понятие стало ярким общенаучным феноменом и междисциплинарным научным подходом в приложении к разнообразным объектам и процессам. Далее остановимся на вопросе о влиянии стремительно развивающихся компьютерных технологий и несущих на крыльях своего развития именно компьютерную ВР, на человеческую цивилизацию и, в частности, на человеческую культуру.

Чтобы обоснованно отвечать на поставленный вопрос, необходимо рассмотреть понятие “культура” с точки зрения философии культурологии, искусства. Культура понимается, прежде всего, как все то, что

создано самими людьми, человечеством. Это дополняет естественную природу и поэтому называется второй природой. Крупнейший социолог XX века П. Сорокин характеризовал культуру как систему ценностей, с помощью которых общество интегрируется, поддерживает функционирование и взаимосвязь своих институтов. Поясняя свое понимание культуры как совокупности значений ценности и норм, которые используются людьми в обществе, П.Сорокин приводит пример: “В классной комнате преподаватель и студенты являются личностями, совокупность этих личностей вместе с нормами их отношений составляет общество классной комнаты, не только научные и другие идеи, которыми они обладают и обмениваются, но и книги, доска, мебель, лампы и сама комната представляет собой культуру этого общества” [11]. Он же подчеркнул: “Любая организованная группа обладает культурой. Более того, ни социальная группа, ни индивид (за исключением просто биологического организма) не могут существовать ... без культуры” [11].

Для более полного рассмотрения соотношения культуры и ВР необходимо помнить, что наряду с духовной существует и материальная культура: культура быта, культура местожительства, культура топоса (жилища), деревни, города, культура отношения к собственному телу, физическая культура. Материальная культура не тождественна ни материальной жизни общества, ни материальному производству. Она характеризует материальную деятельность людей с точки зрения ее влияния на развитие человека, на раскрытие и использование способностей, творческих возможностей человека. Именно этим интересен образ жизни людей и способы их деятельности. В этом отношении вполне приемлемо такое определение культуры: культура – это система последовательных правил деятельности, передающихся от прошлого к будущему, от содеянного к будущим деяниям.

Наряду с тем, что производят люди на той или иной стадии развития общества, особенно важно знать, как, каким образом они производят соответствующие вещи и продукты, т.е. очень важно знать саму культуру их производства. Культура является особым аспектом всего многообразия материальной и духовной деятельности людей. По объему, охватываемых предметов и процессов понятия “культура” и “человеческая деятельность” одинаковы, совпадают, но по содержанию человеческой деятельности они отличаются. В понятии культура деятельность харак-

теризуется с точки зрения ее влияния на развитие самого человека и выявление его способностей. Культура – это человекоформирующий феномен, создаваемый самими людьми и существующий в виде особого аспекта жизни общества. Культура проявляется и в предметных результатах человеческой деятельности, и в разнообразных (правовых, моральных, религиозных, эстетических и др.) нормах, выполнение которых общество требует от всех индивидов. Чтобы быть полноправным членом своего общества (“быть культурным”) человек должен овладеть культурой этого общества, формировать свой внешний облик и духовный мир в соответствии с ее требованиями.

Имея в виду общую характеристику культуру, вернемся к вопросу о ее соотношении с ВР. В самое последнее время установилась тенденция отождествления ВР со всей человеческой культурой и общественным сознанием в целом. Е.В. Ковалевская пишет об этом так: “Изобретение письма, книгопечатания, театра, кино, и, наконец, компьютерной ВР – вехи на пути виртуализации нашей жизни, отхода от реальности данного нам мира и выхода в другие (иные) виртуальные реальности” [4].

Далее Ф.Г. Майленова утверждает: “Строго говоря, всю духовную жизнь человечества можно представить себе как один огромный виртуальный мир со своими обитателями, иерархией, законами” [7].

В будущем, полагает Н.А. Носов, “... киберкультура имеет все шансы стать полноценной культурой, освоив особый, виртуальный способ понимания и объяснения мира. Основанием для такого вывода служит то, что идея виртуальности становится все более признанной в весьма различных отраслях науки и практики, а также то, что имеется социальная потребность в новых способах объяснения мира и овладения им” [9]. Далее указывается на уже существующие материальные плацдармы виртуальной цивилизации. “Это не только тренажеры и игровые компьютеры, но и структуры, охватывающие большие социальные ниши. Прежде всего, это, конечно, сеть Интернет. Без подключения к сети Интернет человек просто оказывается информационно “обесточенным”... Интернет сам по себе представляет собой беспрецедентное явление, но примечательное с виртуальной точки зрения: будучи анархичной по структуре и не имея собственно руководящих структур, обладает очень высокой степенью самоорганизации... Интернет создает, по мнению одного из разработчиков сетевого проекта “smart connection” Э. Гурова,

“виртуальное сообщество людей”, превращая тем самым современную культуру в новый тип культуры – “глобальную деревню”, где нет границ для коммуникаций” [9].

Утверждая, что “новая виртуальная цивилизация с ее киберкультурой и виртуальной психологией начинает разъедать и заменять собой ново-европейский тип культуры” [9], Н.А. Носов приводит поразительный факт создания в Японии целого виртуального города с населением в 10 тыс. человек. В системе, имитирующей город, используется новейшая компьютерная графика, усиливающая реализацию виртуальной среды.

Каждый владелец компьютера может стать жителем этого города, выбирая себе внешний вид из предлагаемых 1100 вариантов. Жители города вступают в браки, развлекаются, общаются, выбирают правительство и т.д.

С появлением более мощных каналов связи, протоколов, серверов на Интернет может быть переложены многие функции телефона, телевидения, почты. Причем, все это становится интерактивным, с использованием виртуальной реальности. Создан даже специальный язык VRML (Virtual Reality Modeling Language) для общения с виртуальными мирами, создаваемыми в Интернет с использованием WWW. При употреблении данного языка могут быть описаны все аспекты доступа и взаимодействия с виртуальными мирами. Язык VRML дает возможность объектам самим рисовать себя. Таким образом, с помощью этого языка все не только перемещаются по виртуальному миру, но и общаются с другими людьми.

Несколько другое понимание данного вопроса у П.Е. Солопова: “У ВР есть дополнительные признаки, отличающие ее от других проявлений культуры. Такой подход представляется более обоснованным и плодотворным. ВР – часть культуры, но не вся культура виртуальна. Тем более трудно согласиться с тем, чтобы считать всю культуру ВР” [11]. Далее он продолжает: “Люди и раньше и особенно теперь в рамках своей обычной вполне реальной жизни все больше общаются с ВР. Причем отдельные субъекты настолько тесно сталкиваются с ВР, что перестают отличать имитацию действительности от самой деятельности. Но все же это не означает, что всю духовную и материальную жизнь людей, всю культуру следует рассматривать в качестве ВР. Надо отметить, что определение «ВР» может быть отнесено ко всей культуре и назначению чисто фор-

мально. Но в каждом случае при таком рассмотрении общественного сознания и культуры не исчерпывает всего богатства их содержания, будучи приемлемым лишь в качестве одного из многих аспектов соотношения материального и идеального, объективного и субъективного. В культуре каждого общества много относительного и случайного, с общей точки зрения необязательного, обусловленного субъективными пристрастиями людей. Но для каждого общества его культура, сложившаяся в силу многих объективных и субъективных обстоятельств, существует как единая и целостная система. Ей (культуре) люди в своей массе вынуждены подчиняться как объективной для них реальности, которая не может быть заменена какой-либо произвольно созданной ВР. В этом смысле культура не может быть тождественна ВР” [11].

Тем не менее, сторонников становления виртуальной культуры становится все больше: “То, что виртуалистика – одно из направлений современной культуры, очевидно. Более проблемным представляется придание виртуалистики такого значения для всей культуры современности, чтобы говорить о качественно новом этапе ее развития. Конечно, вся культура и наиболее значимая часть ВР неразрывно связана с человеком, его деятельностью и психикой, сознанием. С определенными оговорками можно сказать, что культура как виртуальность строится на различии реальности и ирреальности. Реальность все время сопровождается тем, что сверху нее, сбоку, под ней, но не она сама... Появляются вещи, которые существуют, если мы хотим, чтобы они существовали. Если я вижу в комнате черта, то он есть. И это будет культурная виртуальность или, что-то же самое, реальность культуры” [13].

Учитывая все высказанные мнения о соотношении культуры и ВР в настоящем и будущем, можно сделать вывод, что человечество постепенно переходит от письменной культуры к экранной, от индустриальной цивилизации к информационной.

Пути интеграции ВР и культуры наметились, и они достаточно широки, так как охватывают или будут охватывать очень широкие сферы деятельности человека. Теперь стоит задача оценить последствия данного процесса. В исследуемой литературе широкий спектр мнений: от поклонения радужным перспективам, открывшихся возможностей ВР, до крайне мрачных “романов- предупреждений”.

Например как отмечают специалисты в области создания вирту-

альных сред А.А. Степанов и С.Ю. Желтов, “...усиливающийся эффект правдоподобия компьютерной ВР открывают новые возможности по реализации психологических и психофизических способностей человека” [13].

Совершенно иначе к этому процессу относится А.И. Воронов: “Фактическим символом информационного общества может стать обесмысливание бытия через информационные схемы-сюжеты, логически и целостно представляющие собой своего рода мозаику” [3]. Он приводит в качестве примера сюжет книги Э. Тоффлера “Сдвиг власти. Знание, богатство и насилие на пороге XX века”, созданной в 1990 году. Автор этого произведения обращает внимание, что из четырех ветвей власти, главной становится власть информации. Будущее Э. Тоффлер описывает, как общество компьютерных пользователей, максимально обезличенных и отдаленных друг от друга. Он же ставит вопрос для информационного общества: что будет, если кто-то выдернет вилку из розетки? Таким образом, человек информационного общества, еще более удаленный от ординальной реальности, чем человек общества индустриального, лишенный личного опыта реальности, такой индивидуум по Э. Тоффлеру, будет управляем не только властью насилия и богатства, но гораздо более стихийными процессами в мировой информационной сети. Большое значение в виртуальной культуре А.И. Воронов уделяет СМИ: “СМИ ... становится культовым учреждением подобного общества, главным стержнем новой мифологии. Результатом этого может стать рождение класса адептов информационно-игровой культуры, основным лейтмотивом которого будет идея наслаждения информацией” [3]. В качестве примера А.И. Воронов ссылается на другого писателя Жана Бодрийара и его книгу “Войны в заливе не было”. В данном произведении описывается новое общество, которое живет в своей “экзистенции”, живет не реальными событиями мира, а их информационными эквивалентами. Такое “информационное” общество доверяет своим переживаниям, страхам, мечтам, сформулированными СМИ больше, нежели реальным событиям, хотя бы те совершались за окном обывателя.

Таким образом, А.И. Воронов считает, что современный человек оказался практически не готов к применению электронно-информационных технологий, предложившим “старый как мир метод имитации истины”. Он предполагает в недалеком будущем в плане самого худшего

варианта формирование нового человека Homo-medium, который будет характеризоваться истощенной нервной системой и внутренней безликостью, а так же совершенной неспособностью поставить фильтры для входящей информации.

Но подобная удручающая перспектива прогнозируется далеко не всеми исследователями. Вот, например, мнение П.Е. Солопова: “Виртуальные миры могут соответствовать и не соответствовать действительному миру. Они могут и не исказить действительность, а, напротив, служить средством более глубокого проникновения в нее с целью опять же ее усовершенствования, в частности, улучшения собственной человеческой жизни. Да и СМИ это могут. Все зависит от характера общества ... Разве нам действительный мир не включает познающих в себе людей, их сознание и познание и использование результатов познания в обустройстве человеческой жизни, и разве возможна современная жизнь без СМИ? Нет, конечно. Просто надо учитывать противоречивую роль того, другого и третьего, различать истину, заблуждение и ложь, соответствие и несоответствие сознания объективным законам природы и общества. При этом всегда большинство людей различают компьютерный и иллюзорный миры...” [11]. С подобными рассуждениями нельзя не согласиться.

Итак, понятие ВР охватывает многие области знаний и во многих интегрируется с компьютерными технологиями. Конечно, у каждого процесса есть как свои положительные, так и отрицательные стороны. Так Н.А. Носов считает, что “...пока основной упор в развитии киберкультуры делается на киберсекс, вампиризм и насилие, скорее на отрицательные явления культуры, на антикультуру, чем на подлинную культуру, направленную на возвышение человека”. “Но в будущем, – полагает Н.А. Носов, – киберкультура имеет все шансы стать полноценной культурой, освоив особый, виртуальный способ мышления, понимания и “объяснения мира” ” [9]. В этом смысле с ним согласен и А.И. Воронов: “Вхождение ВР потребует от нас духовной трезвости, чтобы сохранить имеющийся потенциал культуры” [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. «Антология мировой философии». – т.1, ч. 2., М., 1999.
2. Бабенко В.С. «Две книги о виртуальной реальности». «Виртуальная реальность и современный мир». - М., 2007.

3. Воронов А.И. «Философский анализ понятия виртуальная реальность». Дис. ... канд. филос. наук – С.-Пб., 2006.
4. Ковалевская Е.В. «Компьютерная виртуальная реальность: некоторые философские аспекты. Виртуальная реальность». – М.-2008.
5. Леонтьев А.Н. «Проблемы развития психики». – М., 1972.
6. Лосев А.В. «Эллинистически-римская эстетика I-II вв. н.э». – М., 1979.
7. Майленова Ф.Г. «В виртуальном мире современных нравственных ценностей и убеждений». «Виртуальные реальности». – М. – 2008.
8. Носов Н.А. «Виртуальная психология». - М., 2000.
9. Носов Н.А. «Виртуальная цивилизация». «Виртуальные реальности в психологии и психопрактике». – М., 2005.
10. Опенков М.Ю. «Виртуальная реальность: Онто-диал. подход» Дис.... д-ра филос. наук.- М., 2007.
11. Солопов П.Е. «Философские проблемы виртуалистики». – М., 2000.
12. Сорокин П.А. «Человек. Цивилизация. Общество». – М.,2002.
13. Степанов А.А., Желтов С.Ю. «Принципы формирования компьютерных виртуальных пространств». «Виртуальные реальности». – М.,2008.
14. Фалько В.И. «Философия виртуальности: подходы и принципы, проблемы и перспективы». – М., 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АХМАДИЕВА Роза Шайхайдаровна, кандидат педагогических наук, доцент, директор государственного учреждения «Научный центр безопасности жизнедеятельности детей».

Адрес: г.Казань, Оренбургский тракт, д.5

БОЛХОВСКОЙ Александр Львович, методист. ГОУ СПО «Георгиевский региональный колледж «Интеграл».

Адрес: Ставропольский край, г. Георгиевск, ул. Дружбы, д. 29

БРАЧУН Татьяна Анатольевна, кандидат экономических наук. Северо-Восточный государственный университет.

Адрес: Магадан, Портовая ул., 13

ГРАНКИН Юрий Юрьевич, проректор по академической политике и инновационному развитию ГОУВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет».

Адрес: г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

ГРОМОГЛАСОВА Татьяна Игоревна, ассистент кафедры английского языка, аспирант АГАО им. В.М. Шукшина Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина.

Адрес: Алтайский край, г. Бийск, ул. Короленко, д.53

ИЛЬЯСОВА Александра Арамовна, аспирантка заочной формы обучения кафедры Российской и зарубежной истории ГОУВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет».

Адрес: г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

КОНСТАНТИНОВА Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры ФСАрхИ Института архитектуры и искусств ЮФУ.

Адрес: г. Ростов-на-Дону пр. Буденновский, 39

МАКОЛОВ Василий Иванович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления качеством Мордовского государственного университета.

Адрес: Республика Мордовия, г.Саранск ул. Большевикская, д.

СКЛЯРОВА Елена Константиновна, кандидат исторических наук.
Ростовский государственный медицинский университет, кафедра истории и философии РостГМУ.

Адрес: Ростов-на-Дону, Нахичеванский пер., 29

ТУРКИНА Татьяна Савельевна, преподаватель ФГОУ СПО «Смоленский промышленно-экономический колледж».

Адрес: г. Смоленск, пр. Гагарина, 58

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

В научно-теоретическом журнале «*Экономические и гуманитарные исследования регионов*» публикуются статьи, сообщения, рецензии. Статьи и другие материалы должны соответствовать тематике издания, содержать обобщения, выводы, представляющие интерес своей новизной, научной значимостью.

Представление материалов: статья; аннотация (500-550 знаков с пробелами), ключевые слова, сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках. Статьи и иные материалы представляются в редакцию по электронной почте **redsov@mail.ru** или на диске (CD-R) и бумажном носителе по адресу: 344012, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Гаккеля, дом 3/3, оф. 86. Материалы, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Решение о публикации принимается на заседании редколлегии в течение одного месяца со дня получения материалов. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Рукописи, не удовлетворяющие указанным ниже требованиям, авторам не возвращаются.

К рукописи предъявляются следующие требования:

Для подготовки материалов должен использоваться текстовый редактор Microsoft Word для Windows версий 6.0 или выше и шрифт Times New Roman.

Форматирование должно производиться исходя из необходимости распечатки на страницу с параметрами: размер бумаги – А4; ориентация – книжная; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5. Заглавие печатается заглавными буквами (выравнивание по левому краю). Фамилия и инициалы автора(ов) пишутся под заглавием статьи (для рецензий и информационных материалов – в конце статьи). В тексте следует использовать минимальное количество таблиц и иллюстраций. Рисунок должен иметь объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, название, расположенное под рисунком. В тексте на рисунок дается ссылка. Таблица должна иметь порядковый номер, заголовок, расположенные над таблицей. Все графы в таблице пишутся с прописной буквы, сокращение слов в таблице не допускается. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

Литература приводится в порядке упоминания в конце статьи. В тексте должны быть ссылки в квадратных скобках только на опубликованные работы [1, с. 15].

Статьи и другие материалы сопровождаются сведениями об авторе (фамилия, имя, отчество, учебное заведение, должность, место работы, адрес и номера контактных телефонов, e-mail). Необходимо указать шифр и наименование специальности (в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников). Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи и иные материалы, редактировать и отсылать авторам на доработку.

Адрес редакции: 344012, РФ, г. Ростов-на-Дону, ул. Гаккеля, дом 3/3, оф. 86

Электронный адрес: redsov@mail.ru